

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ОСНОВА ДУХОВНОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ



Нижний Новгород
2024

Региональное отделение Международной общественной организации
«Всемирный Русский Народный Собор» (ВРНС) в Нижегородской области

Благотворительный фонд преподобного Серафима Саровского

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Нижегородский государственный
лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова» (НГЛУ)

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ОСНОВА ДУХОВНОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Сборник научных статей

Нижний Новгород
2024

УДК 811.161.1 (08)
ББК 81.411.2
Р894

Под общей редакцией
д.п.н., профессора **Н.В. Макшанцевой**

Редактор **М. А. Гришин**

Рецензенты:

Раибульская Л.В. — доктор филологических наук, профессор (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского)

Кузнецова Е.И. — доктор философских наук, профессор (Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова)



При поддержке
АНО «Управляющая компания Саровско-Дивеевского
кластера» и Правительства Нижегородской области



Р 894 Русский язык как основа духовной и гражданской идентичности.
Сборник научных статей / Под общ. ред. Н. Макшанцевой. — Нижний Новгород, 2024. — 72 с.

В сборнике представлены материалы докладов участников круглого стола «Русский язык как основа духовной и гражданской идентичности», в которых рассмотрены важные проблемы сохранения, защиты и развития русского языка как духовной ценности. Исследуются активные процессы в современном русском языке и актуальные вопросы его преподавания, также анализируются аспекты взаимодействия русского языка и национальной культуры.

Издание адресовано преподавателям гуманитарных кафедр вузов, руководителям и учителям школ и православных гимназий, специалистам-филологам.

ISBN 978-5-6050622-6-4

© Благотворительный фонд
преподобного Серафима Саровского, 2024 г.
© АНО «ПЦ “Логос”», 2024 г.
© М. Гришин — редактура, дизайн, верстка, 2024 г.

Оглавление

Русский язык — душа России	4
НИКОЛИНА Н.А. Активные процессы в современном русском языке и проблемы его преподавания	7
УРЮПИН И.С. Дивеевские духовные горизонты в поэзии С.С. Бехтеева	13
ПАВЛОВ С.Г. «Самоучитель русского»: лингвоаксиология как научный и социокультурный проект	19
ГРАЧЕВ М.А. Помощь православной веры А.С. Пушкину и В.И. Даю на переломных этапах жизни	28
РАДБИЛЬ Т.Б. Ценностная антиномия «русский язык» — «нерусский язык» в пространстве национальной культуры (по данным медиадискурса Интернета)	34
МАКШАНЦЕВА Н.В. Духовность как константа Русского мира	42
СЕРГЕЕВА Т.С. Миссия церковнославянского языка в формировании личности педагога-филолога	50
МУРАД Е.Д. Проблемы современного русского языка как инструмента формирования гражданской и духовной идентичности в России и пути их решения	54
САМЫЛИЧЕВА Н.А. Проблемы этической нормы в языке современных СМИ	60
САДОВНИКОВ А.Г. О духовности русской поэзии	64
ВАЛЕРИ М. Русское великодушие в творчестве нобелевского лауреата Грации Деледды	68

Самая большая ценность народа — это язык — язык, на котором он пишет, говорит, думает.

Академик Д.С. Лихачев

Идея ценности русского языка является созидающей: язык отражает путь нации в прошлом, настоящем и будущем. По утверждению президента РФ В.В. Путин, «общество способно решать масштабные задачи, когда у него общая система нравственных ориентиров, когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытной культуре и к самобытным культурным ценностям».

Русский язык — не только важнейшее средство общения, но и духовная, нравственная, культурная ценность. Русский язык как духовная сущность связан с византийской культурой. Переняв христианство от Византии, Русь не просто выбрала веру, но выбрала историческую судьбу. Транслятором миропонимания стал старославянский язык, очень быстро «обрусевший» и превратившийся в церковнославянский. История развития национального языка русского народа и история русской православной культуры имеют одни истоки, одни гуманистические скрепы. Русский язык обеспечивает преемственность исторических поколений. Не случаен в современном филологическом образовании интерес к светоносному церковнославянскому языку. В этом языке — аромат Древней Руси, по-младенчески радостно принявшей христианство от греков. Вкус русских побед над западными рыцарями и татаро-монголами. Мудрость и благословение святых преподобных монахов. Мужество русских князей-победителей. В этом языке — слезы русских матерей и нежность Русской земли, горе и радость, любовь и печаль наших предков. Для России сейчас очень важно услышать и почувствовать свое великое православное прошлое. Из него мы черпаем силы и надежду — ведь там и Куликово поле, и ополчение Минина, и победа под Полтавой, и разгром непобедимого Наполеона. Именно этим языком и книгами, написанными на нем, бесконечно восхищался А.С. Пушкин и многие другие мастера русского слова. И не случайно. Национальный литературный язык вобрал в себя книжную церковнославянскую стихию, то есть язык духовного, возвышенного общения, на который Кирилл и Мефодий перевели книги священного писания.

Язык как духовная ценность раскрывается через изучение отечественной словесности — нашего драгоценного классического наследия. Ю.М. Лотман заметил: «престиж языка есть престиж культуры и литературы на этом языке». Золотой фонд русской культуры, представленный классической литературой, является на протяжении веков базой нравственного, духовного воспитания поколений. Без слов, вбирающих жизненные впечатления, ориентирующих сознание на высокие смыслы, невозможно полноценное духовно-нравственное становление личности. Концептуальное изучение слова — важнейший путь его освоения как основы духовного наследия. Силу слова тонко чувствовали поэты, например, М.Ю. Лермонтов:

Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых.
И дышит непонятная
Святая прелесть в них.

«Молитва» (1839 г.)

Таинство смысла, чарующее «святой прелестью». Слово обретает полноту бытия в сознании по мере того, как наполняется смыслами. А.Ф. Лосев утверждал, что «слово — место встречи Бога и мира». У слова, кроме смысловой и культурной энергии, есть еще энергия духа (В.А. Маслова, О.В. Данич). Не случайно сегодня среди функций языка выделяют еще и сакральную.

Говоря о русском языке как культурной ценности, следует отметить, что он является одним из главных элементов культурной идентичности. Это ключевой фактор, связывающий культуру, историю, народ. История — это важнейшие вехи в жизни страны, имена тех, кто дал ей славу. Настоящее и прошлое, настоящее и будущее тоже определяются словом, и через слово становятся очевидными духовные и нравственные скрепы нации.

Язык как нравственная ценность неотделим от духовности. Так, «нравственность» трактуется в словаре В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной (2007 г.) как «совокупность норм поведения человека в обществе; духовные качества, проявляющиеся в этом поведении». Уместно говорить и о речевом поведении, культуре речи. Речевая культура человека — зеркало его духовной культуры. Л.Н. Толстой полагал, что нравственность человека видна в его отношении к слову. Сохранение общелитературной нормы обеспечивает культуру речи, взаимопонимание, выполняя тем самым интегративную, объединяющую функцию. О соблюдении норм, даже в СМИ, например, говорить не приходится: неправильный выбор падежных форм, ошибки в постановке ударения, сленговые, арго-тические слова, утрата многострунности русской речи. Появилась естественная необходимость в «экологии слова», «экологии языка». А состояние языка — показатель нравственного состояния народа, соответственно, речь конкретной языковой личности — ее нравственный портрет.

Констатируем, что к настоящему моменту общество подошло с ощущением духовного кризиса, о котором мы судим и по состоянию современного русского языка. Мы наблюдаем упрощенные способы выражения чувств, мыслей, эмоций, мнений, обеднение словарного запаса, вербальную свободу, активизацию в речи ненормативной лексики, увеличение числа заимствований. В целом ухудшилось состояние языковой среды, упал уровень речевой культуры. Заметно уменьшилось количество читающих людей.

Ю.Н. Караулов, размышляя о состоянии современного русского языка, подчеркнул, что надо судить, прежде всего, о «состоянии говорящих на нем людей». Действительно, язык живет в нас. Каждый из нас или улучшает, или сохраняет, или искажает его. Д.С. Лихачев справедливо отметил: «Наша речь — важнейшая часть не только нашего поведения, но и нашей личности, нашей души, ума».

Культурный прогресс общества измеряется и определяется масштабами создаваемой им личности. Современному обществу нужна целостно-духовная личность с развитым ценностным сознанием как ведущей формой мировоззрения в XXI веке. В этих условиях огромная надежда и ответственность ложатся на образование, на осознание государством его ценностно-нравственного значения. Основная миссия образования — обретение личностью духовной, гражданской, культурной идентичности. И русский язык, безусловно, является созидающей основой в решении этой глобальной задачи. Главная цель изучения родного языка — не только формирование функциональной грамотности (хотя и это важно!), но и представления о русском языке как духовной, нравственной и культурной ценности России. Теоретическая сторона проблемы заключается в упорядочении свойств русского языка как культурно-национального феномена. Практическая часть проблемы состоит в особенностях реализации

идеи восприятия и отражения культурных смыслов, связанных с русским языком. Разумно выстроенная деятельность, несомненно, позволит получить позитивный результат, поскольку в аксиологическом аспекте происходит сопряжение языка и речи, языка и культуры, языка и национального характера, национального самосознания.

Семья, дошкольные учреждения, школы, гимназии, вузы не просто должны давать знания, формировать различные компетенции, но и воспитывать духовно богатую, нравственную личность.

Памятуя о презумпции особого статуса церковнославянского языка в пространстве русской культуры, уже в раннем возрасте рекомендуется параллельно, сопоставительно изучать литературный русский с церковнославянским, что обеспечит высокий уровень грамотности и речевого развития ребенка. На основе приобщения к родному языку постигаются наши духовные святыни, национальные идеалы. По словам В.Ю. Троицкого, «Святыня — предметное воплощение духовных ценностей, обусловленное духовное достояние, без которого человек (и народ) теряет свое лицо»

Безусловно, важна поддержка и на государственном уровне, например, Указ Президента РФ «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (9 ноября 2022 г. №809).

Общими усилиями можно воспитать достойное поколение, которое выступит в защиту русского языка, духовности и гражданственности, которое будет в вере и надежде созидать Россию, в том числе под знаком великого и могучего русского языка!

К такому заключению пришли участники круглого стола в ходе обсуждения актуальной проблемы «Русский язык как основа духовной и гражданской идентичности», проведенного 11-12 октября 2023 года в Дивеево.

Н.В. Макшанцева
доктор педагогических наук, профессор

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ

Н.А. Николина

кандидат филологических наук, профессор (Москва)

Аннотация: В статье рассматриваются активные процессы в современном русском языке в аспекте их воздействия на практику преподавания. Характеризуются национальная специфика русского языка и особенности русской языковой картины мира. Отмечаются некоторые изменения, происходящие в ней под влиянием экстралингвистических факторов. Определяются задачи, стоящие перед преподаванием русского языка в современной школе: расширение сведений об истории языка и церковнославянском языке, совершенствование культуры речи учащихся, углубление изучения языка в связи с культурой народа, при этом описываются психологические особенности современных школьников, влияющие на процесс обучения. Предлагается использование опыта работы с концептами на уроках русского языка («портретирование» имени концепта, анализ лексических и фразеологических средств поля концепта и так далее).

Ключевые слова: языковая картина мира, активные процессы в лексике и словообразовании, история языка, изучение русского языка в школе, лингвокультурологическая подготовка школьников, концепт, культура речи.

Русский язык — основа национальной идентичности и исторической памяти народа, как и другие языки, он воплощает его дух. Своеобразие русского языка неоднократно отмечали не только лингвисты, но и писатели и философы. Так, Вячеслав Иванов в статье «Наш язык», опубликованной в 1905 году, писал: «Достоинны удивления богатство этого языка, его гибкость, величавость, благозвучие, его звуковая и ритмическая пластика, его прямая, многоместительная, сетка, мощная краткость и художественная выразительность, его свобода в сочетании и расположении слов...» Особо подчеркивал Вячеслав Иванов такие свойства русского языка, как «стройность и выразительность морфологического сложения, прозрачность первозданных корней, обилие и тонкость суффиксов и приставок, древнее роскошество флексий, различие видов глагола, неведомая другим языкам энергия глагольного аориста» [1, С. 232].

Своеобразие русского языка на фоне других языков определяется рядом его особенностей. Это:

- наличие большого числа лингвоспецифичных слов (воля, авось, тоска, истина и так далее), то есть слов, не имеющих точных соответствий в других языках;
- обилие аффиксов субъективной оценки;
- широкое распространение во многом благодаря «животворящей струе церковнославянского языка» (В. Иванов) отвлеченной лексики;
- наличие категории вида и, следовательно, выражение и внешнего и внутреннего времени;
- большое количество безличных предложений, которые показывают, что язык «отражает и всячески поощряет ... тенденцию рассматривать мир как

совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому разумению» [2, С. 76].

Своеобразие характеризуется и «русская языковая картина мира, доминантами которой является моральная страстность» (А. Вежбицкая), установка на эмпатию, иррациональность, тенденция к неагентности и неконтролируемости действий (например, активное использование безлично-возвратных глаголов типа не работается), наконец, «соотнесенность самых простых вещей, свойств, процессов или явлений с духовным идеалом» [3, С. 9].

В конце XX века в русском языке под влиянием экстралингвистических факторов ярко проявились новые моменты, затрагивающие все уровни языковой системы и дискурсивные практики. Динамические процессы особенно характерны для лексики и словообразования, с меньшей силой они проявляются в грамматике.

Развитие лексики современного русского языка сопровождается в настоящее время появлением большого числа неологизмов, обращением к жаргонам и просторечию и активным заимствованием слов из других языков, прежде всего английского. Часть заимствований, называющих новые реалии, успешно адаптируются русским языком. Однако продолжается неоправданное употребление иноязычных слов. Оно наблюдается в различных сферах бизнеса, менеджмента, спорта, моды и так далее, например: эйчар, посчитать тотал, хоррор, наложить стрикции и многие другие. Показательно, например, объявление об открытии курса повышения квалификации для учителей, которое пестрит заимствованиями, большая часть которых имеет эквиваленты в русском языке:

Большой **гайд** для преподавателей-олимпиадников.

Ридинг-семинары.

Софт-лайфхаки для олимпиадника.

Даем **feedback**.

Убиваем лето для составления индивидуального **трека**.

Англицизмы особенно характерны для молодежного сленга, при этом они последовательно воспроизводятся в художественных текстах, прежде всего в массовой литературе. Вот как общаются, например, герои романа Е. Дорож «Семейная реликвия»: «Вот Светкин флэт. Сейчас чаем напою, у тебя сразу муд сменится. Светка сэд, что ты из Иркутска перлась. Велела решить трабл с питанием... Ну ладно, ты нуб, с тебя какой спрос! Я сам рили чуть не рипнулся...». Или другой фрагмент этого романа: «Смайли-лайвли, я фаунд кое-что нерандомное... факап все же не искл, но скилл не пропьешь...».

Одновременно, как отмечает Л.В. Зубова, «немодными» в современной речи становятся слова, которые обозначают традиционные ценности. Их употребление заметно сокращается и в языке СМИ, и в устной речи. Среди них — идеал, святыня, долг, преданность, целомудрие, верность, милосердие, нестяжательство, призвание и многие другие [4, С. 101].

Для развития современного русского словообразования характерны установка на компрессивные способы словопроизводства (усечение, аббревиацию, субстантивацию, универбацию), рост именной префиксации, появление новых словообразовательных моделей и формантов (например, активное использование заимствованного суффикса -инг с процессуальной семантикой), широкое распространение оценочных новообразований, последовательное образование производных слов на базе заимствований, обращение к прецедентным именам в качестве производящей базы дериватов, например, такие дериваты как «трампист, трамповать» (от фамилии Трамп), «ванговать» (от имени болгарской прорицательницы Ванги), «эрдоганец» (от фамилии Эрдоган) и другие. В то же время в

речи молодежи наблюдается снижение степени прецедентности имен русских исторических и культурных деятелей.

Регулярно воспроизводимые прецедентные имена играют важную роль в сохранении единства языкового коллектива, к которому относятся люди разных поколений. Незнание многих прецедентных имен, значимых для истории и культуры народа может быть условием социального разрыва, углубления конфликта между «отцами» и «детьми». Опрос, проведенный учеными МГУ в 1998 и 2014 г., показал: «общенациональная когнитивная база почти не задействуется, что ведет к ее заметному сужению [5, С. 40], а степень прецедентности некоторых имен заметно сокращается. Приведем некоторые данные (табл. 1):

Таблица 1

Имя	1998	2014
Иван Сусанин	94	61
Суворов	90	58
Кулибин	78	54
Павел Корчагин	77	20
Малюта Скуратов	61	24

Таким образом, перед современной школой стоят задачи расширения и углубления исторического контекста в процессе обучения, формирование интертекстуального тезауруса, отражающие культуру России.

В настоящее время мир переживает пятую коммуникативную революцию: линейно-текстовое мышление дополняется и даже замещается иными способами восприятия и получения информации. Более того, в современной интернет-коммуникации возникает новая форма речи — электронная речь, которая представлена разными жанрами (чат, пост, форум и так далее) и существенно отличается от письменной речи, ориентированной на использование норм литературного языка. Эту форму речи отличает особая графика, воспроизведение фонетических, лексических и графических особенностей живой разговорной речи, использование небольших по объему предложений, часто парцелированных. Языковая раскрепощенность, характерная для электронной речи, обуславливает частое нарушение норм литературного языка. В результате в современной школе необходима систематическая работа по формированию и укреплению системы норм и совершенствованию культуры речи.

Изменения в языке порождают изменения в языковой картине мира. Как отмечает А.Д. Шмелев, «самые важные изменения в современной русской речи связаны с изменениями закодированной в языке концептуализации мира» [6, С. 93]. Так, по мнению исследователей, устаревающим концептом в современной русской лингвокультуре становится концепт «Кротость». Неоднократно отмечалось, что употребление, например, таких сочетаний, как «успешный человек, амбициозная личность» (с положительной оценкой) и подобных, свидетельствует о сдвигах в национальной картине мира. Под влиянием потока заимствований, инокультурных моделей поведения у части носителей языка проявляется склонность к гедонизму, стремление к успеху любой ценой, самовосхваление.

Активные процессы в современном русском языке, в том числе и негативные, ставят перед современным образованием ряд серьезных проблем. Для речи школьников характерны оскудение лексического запаса, незнание значения

многих слов русского языка, представленных в классических произведениях, интенсивное использование жаргонизмов. Отсутствие в школьных учебниках развернутых сведений об этимологии и истории языка, недостаточное внимание к словообразованию и морфемике приводят к утрате исторической памяти, превращению слова с его значимым морфемным составом в пустой знак, лишенный внутренней формы. Показателен, например, разбор по составу слова “взгляд”, предложенный уже не школьницей, а студенткой, для которой незначим корень с его семантикой: вз- (приставка), -гл- (корень), -яд (суффикс), нулевое окончание.

Отметим также, что, по мнению ученых, 75% школьников владеют в настоящее время поверхностным чтением и не готовы к интерпретации сложных смыслов текста.

Решение задач, стоящих перед современной школой, осложняется некоторыми особенностями, характерными для поколений Z и Альфа. Эти психологические особенности необходимо учитывать в процессе обучения. К ним относятся:

- предпочтение визуального текстовому;
- клиповое мышление;
- многозадачность;
- массовое владение современными цифровыми технологиями;
- транзактивная память (запоминание способа получения информации, а не самой информации).

Кроме того, речеповеденческие модели современных школьников во многом предполагают изменение границ между частным и публичным (общим), что, безусловно, отражается в восприятии ими изучаемого и существенно отличается от традиционной модели поведения.

Формирование национально-культурной идентичности, патриотического сознания требуют во многом нового содержания и новых подходов в сфере образования.

В практике современной школы содержание такого предмета, как «Русский язык», до сих пор предполагает, прежде всего, изучение системы языка и единиц всех ее уровней, а также работу по развитию речи учащихся. В настоящее время все больше внимания уделяется углублению содержания обучения за счет расширения знаний о связи языка и культуры, языка и национально-менталитета. «Для формирования российской гражданской идентичности школьника важно не только осознание своей национальной принадлежности, но и знание истории, языка народа, основ культурного наследия многонационального государства» [7, С. 4]. Как отмечает Н.Л. Мишатина, глава петербургской школы методической лингвоконцептологии, современная методика решает для себя главный мировоззренческий вопрос <...>: «Какому языку мы учим детей цифровой эпохи?» Это и русский язык как язык, романтически выражающий «дух народа» (реализация идеи филологизации содержания предмета «Русский язык»), и русский язык как язык мысли и интеллектуального общения (реализация идеи интеллектуализации предмета «Русский язык») [8, С. 9]. Эти идеи перекликаются с концепциями, получившими развитие в методике XXI века:

- культуроведческим подходом;
- текстоцентрическим подходом;
- аксиологическим подходом к изучению языка.

Способами изучения языка в тесной связи с национальной культурой служат обращение к ключевым концептам, значимым для русской языковой картины мира, наблюдение над смысловыми, ассоциативными «приращениями»

слов, изучение истории лексических единиц и фразеологизмов, знакомство с текстами, отражающими национальные культурные ценности и работа с ними на уроке, создание «портретов» слов — имен концептов. В современной школе уже получили распространение уроки одного слова, уроки знакомства с концептами, «портретирование» имен концепта, написание лингвокультурологических эссе. «Моделируя концепт, старшеклассники <...> работают не с готовой идеей, а ищут ее самостоятельно через решение лингвокультурологических задач» [8, С. 12]. Углубление лингвокультурологической подготовки школьника должно, с нашей точки зрения, сочетаться с обращением к истории языка, элементам этимологии, со знакомством с основами (возможно, в рамках элективных курсов или факультативов) церковнославянского языка. Решение этих задач требует создания новых учебно-методических пособий, учебных словарей, в частности — подготовки школьного лингвокультурологического словаря, которого до сих пор нет в корпусе многочисленных словарей русского языка.

Библиографический список

1. Русские философы о языке: Хрестоматия. — М.: Ярославль: Ремдер, 2010. — 656 с.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М.: Русские словари, 1996. — 416 с.
3. Радбиль Т.Б. Активные процессы в грамматике и прагматике современного русского языка как отражение русской языковой картины мира // Лингвокогнитивные аспекты изучения национальных концептосфер в синхронии и диахронии. — Нижний Новгород: изд-во ННГУ, 2020. — С. 7-34.
4. Зубова Л. В. Слова, которые называют немодными // Мода в языке и коммуникации. — Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2014. — С. 99-113.
5. Гудков Д.Б. Воспроизводимые единицы национального дискурса как фактор лингво-культурной идентичности // Язык. Человек. Культура: Сборник научных трудов, посвящённый юбилею Марии Львовны Ковшовой: Институт языкознания РАН. — Москва, 2022. — С. 38-44.
6. Шмелев А.Д. Эволюция русской языковой картины мира в аспекте культуры речи // Вопросы культуры речи. Вып. X. — М., 2011. — С. 82-94.
7. Богданова Е.С. Формирование основ гражданской идентичности школьника при изучении русского языка // Русский язык в школе. — 2018. — №4. — С. 3-8.
8. Мишати́на Н.Л. Методическая лингвоконцептология: перезагрузка в эпоху метамодернизма // Русский язык в школе. — 2022. — №4. — С. 7-16.

ACTIVE PROCESSES IN MODERN RUSSIAN AND THE PROBLEMS OF ITS TEACHING

N.A. Nikolina

Candidate of Philology, professor (Moscow)

Abstract: The article examines the active processes in the modern Russian language in terms of their impact on teaching practice. Russian language national specifics and peculiarities of the Russian language worldview are characterized. There are some changes occurring in it under the influence of extralinguistic factors. The tasks facing the teaching

of the Russian language in a modern school are defined: expanding information about the history of the language and the Church Slavonic language, improving the culture of speech of students, deepening language learning in connection with the culture of the people, while noting the psychological characteristics of modern schoolchildren that affect the learning process. It is proposed to use the experience of working with concepts in Russian language lessons («portraying» the name of the concept, analyzing lexical and phraseological means in the field of the concept, etc.).

Keywords: linguistic picture of the world, active processes in vocabulary and word formation, language history, learning Russian at school, linguistic and cultural training of schoolchildren, concept, culture of speech.

ДИВЕЕВСКИЕ ДУХОВНЫЕ ГОРИЗОНТЫ В ПОЭЗИИ С. С. БЕХТЕЕВА

И.С. Урюпин

доктор филологических наук, доцент (Москва)

Аннотация. В статье, посвященной творческому наследию С. С. Бехтеева, одного из ярких представителей православно-церковного вектора в литературе русского зарубежья, автора «Песен русской скорби и слез», оставшегося в памяти современников как «царский гусярь» и «верноподданный» Святой Руси, рассматривается проблемно-тематическое поле его поэзии, связанное с духовным пространством Дивеевского монастыря и фигурой преподобного Серафима Саровского. Осмысление феномена богоносного старца в сакральной истории России дается в стихотворении С.С. Бехтеева «Угодник». В нем иконографически представлен образ великого подвижника, в прославлении которого в лике святых принимал участие последний российский император. Страстотерпческий подвиг Николая II был предсказан насельницей обители преподобного Серафима и художественно воплощен в стихотворении С.С. Бехтеева «Видение дивеевской старицы», которое анализируется в статье в широком культурно-историческом и религиозно-философском контексте.

Ключевые слова: С.С. Бехтеев, преподобный Серафим Саровский, Дивеевский монастырь, Николай II, «царский крест», «царский текст».

В историю русской литературы XX века С.С. Бехтеев (1879–1954), автор знаменитой «Молитвы» (1917), переданной через графиню А.В. Гендрикову семье последнего российского императора и укрепившей дух «Их Величеств и Их Высочеств в г. Тобольск» [1, С. 103] накануне судьбоносных испытаний, вошел как «поэт православный, глубоко воцерковленный» [2, С. 69]. Еще до революции он был старостой Сергиевского храма в селе Липовка Елецкого уезда Орловской губернии, где находилось родовое имение дворян Бехтеевых, верой и правдой служивших царю и Отечеству на протяжении столетий. А в годы эмиграции, обосновавшись во Франции, С.С. Бехтеев служил ктитором в Ницце в русской церкви во имя иконы Державной Божией Матери, где на его средства были установлены два иконостаса, в том числе в пределе преподобного Серафима Саровского, одного из самых почитаемых русских святых, вызывавшего у «изгнанников» (так называет поэт в своем стихотворении 1920 года соотечественников, переживавших «тоску и горе» [1, С. 259] от разрыва с Родиной) чувство утешения «в години кровавые смут и невзгод» [1, С. 399].

Современники святого Серафима Саровского, его духовные чада, отмечали удивительный дар старца — «душеспасительное слово», обладавшее непревзойденной силой утешения [3, С. 222] (об этой благодатной силе вспоминала симбирская помещица Е.Н. Пазухина). Не случайно в одной из молитв к святому («О, великий угодниче Божий, преподобне и богоносне отче наш Серафиме!») содержится просьба о «помощи и утешении» [3, С. 414], в которых так нуждается страждущий человек. С.С. Бехтеев, как и все русские изгнанники, на чужбине молился преподобному Серафиму Саровскому, нуждаясь в духовной поддержке в годину жизненных испытаний. Его памяти поэт посвятил стихотворение «Угодник» (1933), вошедшее в первый выпуск «Сборника

патриотических стихотворений» «Царский гусяр» (Ницца: Книгоиздательство «Святая Русь», 1934).

Словесный портрет, созданный С.С. Бехтеевым в стихотворении, в точности совпадает «с иконой преподобного Серафима» [4, С. 114], вызывая в сознании читателя прижизненный образ святого, запечатленный на картине Е.М. Журавлевой (урожденной Бахметьевой) в 1833 году и ставший впоследствии эталоном для иконописных вариантов лика саровского чудотворца:

Старец Божий, старец кроткий,
В лаптях, с палкою простой,
На руке иссохшей четки,
Взор, горящий добротой [1, С. 43].

За внешним обликом старца, согбенного «тяжким подвигом» и наклонившегося к земле, проступает его ангельская природа, духовная устремленность к горнему миру: «Он идет, гонец небес» [1, С. 44]. Божественный свет лучится в его глазах, на устах старца — улыбка умиления. Он, обладая «дивным даром богомоления» [1, С. 44], возвещает человечеству высшую волю и высшую правду. «Прозорливый, вдохновенный, / Полный благостных чудес» [1, С. 44], святой Серафим Саровский проповедует истину, которой пренебрегает современный человек, превозносящий разум и не доверяющий собственному сердцу, способному любить ближнего:

Благодатной силой веет
На молящих от него.
Гордый разум цепенеет
Перед святостью его [1, С. 44].

В своих беседах с Н.А. Мотовиловым о цели христианской жизни, ее фундаментальных законах и нравственных основаниях преподобный Серафим Саровский размышлял о сущности разума в постижении бытия. Именно его превозносят представители русской интеллигенции, абсолютизирующие рациональное начало в миропознании. Однако человеческий разум, утверждал старец, отнюдь не противоречит, а лишь подтверждает действенность разума божественного: «Да беда-то вся наша в том, что сами-то мы не ищем этого разума Божественного, который не кичит, ибо не от мира сего есть. Разум этот, исполненный любовью к Богу и ближнему, созидает всякого человека во спасение Ему» [3, С. 374]. Свою мысль преподобный подтверждал словами из Священного Писания: «Вся простота суть обретающим разум...» [3, С. 374].

В простоте, смирении и заключается тайна человеческого богоуподобления, предопределяющая путь к спасению. Это хорошо понимал С.С. Бехтеев, обративший внимание на одну характерную черту в образе преподобного Серафима: «Столько дивного смиренья / В страстотерпческих чертах...» [1, С. 44]. При этом далеко не случайно поэт назвал черты старца «страстотерпческими», хотя преподобный Серафим Саровский страстотерпцем не был. Но в своем духовно-аскетическом подвиге он во всей полноте воспринял крестный путь Спасителя и по воле Божественного Провидения в самом прямом смысле слова передал свой крест последнему российскому императору, ставшему по истине страстотерпцем и канонизированному в этом чине Русской Православной церковью 20 августа 2000 года. В момент обретения святых мощей Серафима Саровского, как сообщает в его «Житии» протоиерей Димитрий Троицкий, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский) «сам лично с осторожностью и благоговением вынул из руки преподобного» крест и «бережно отвез его в Царское Село, самолично вручив его Государю Императору» [5, С. 44], а в торжествах по случаю прославления преподобного Серафима Саровского

19 июля 1903 года «гроб со святыми мощами несли Государь Император и Их Высочества» [5, С. 69]. «Государь молился перед иконою Божией Матери “Умиление”, пред которую в молитве скончался в Сарове отец Серафим» [5, С. 70]. Тем самым в вечности оказались неразрывно связаны царь-страстотерпец Николай и угодник Божий Серафим. В художественном сознании С.С. Бехтеева, актуализировавшего в своем поэтическом творчестве «план метаисторического бытия» [6, С. 31], эта связь была очевидна.

Уже в самом начале своего царствования император Николай II, наслышанный о чудесах саровского старца, чувствовал потребность посетить места духовного подвига великого подвижника Русской земли. В июле 1902 года царь «выразил пожелание завершить начатое дело» «о прославлении отца Серафима» [7, С. 69]. Высшая воля неумолимо влекла его «в далекую Саровскую пустынь», и, когда Николай оказался в обители святого Серафима, старица Параскева Ивановна, известная в народе как Паша Саровская, сказала ему то, что «потом исполнилось: гибель России, династии, разгром Церкви и море крови»: «с этого момента Государь начал считать себя обреченным на крестные муки и позже говорил не раз: “Нет такой жертвы, которую я бы не принес, чтобы спасти Россию”» [8, С. 454]. Вряд ли этот эпизод из воспоминаний прот. Стефана Ляшевского, регулярно общавшегося с насельниками Серафимо-Дивеевского монастыря вплоть до его закрытия в 1927 году, а затем долгие годы хранившего в эмиграции великую дивеевскую святыню — икону Пресвятой Богородицы «Умиление», был известен С.С. Бехтееву.

Однако автору «Царского гуслира» и «Песен русской скорби и слез» из достоверных источников был известен другой эпизод духовной связи Серафимо-Дивеевской обители с царем-страстотерпцем. Эту историю он художественно воплотил в стихотворении «Виденье дивеевской старицы» (1922). События в стихотворении датируются «зимой лихолетия 1917 года» [1, С. 126], а в примечании С.С. Бехтеев прямо указал на то, что в основе лирического сюжета произведения лежат подлинные факты, о которых ему поведал «родственник Арцыбушев в г. Ельце в декабре 1917 г., куда он приехал прямо из Сарова, где он служил 6-го декабря молебен о здравии Государя Императора и где он лично виделся и говорил со старицей» [1, С. 129]. Монахиня Серафима (Булгакова) в своих записках «Дивеевские предания» вспоминала блаженную старицу Марию Ивановну, любимцем которой был «Михаил Петрович Арцыбушев, его она называла “Мишенька”» [9, С. 120], он действительно был посвящен во многие тайны Дивеевской обители и, вероятно, в тайну гибели императора Николая II. Сам М.П. Арцыбушев тоже принял мученический венец: после смерти старицы его «расстреляли в Москве перед праздником Воздвиженья Креста Господня» [9, С. 120].

В стихотворении С.С. Бехтеева лирическая героиня, которой открылся в видении крестный подвиг Государя, именуется Ксенией: «Старица Ксения на Образ с любовью глядит. / Катятся слезы из стареньких, слепеньких глаз» [1, С. 127]. Пока не установлен действительный прототип дивеевской старицы из стихотворения С.С. Бехтеева. Э.М. Афанасьева и Е.М. Антипина полагают, что ее прообразом явилась «преподобномученица Ксения Черлина-Браиловская, причисленная к лику святых в 2000 году» [10, С. 348], она была связана с царской семьей, дружила с О.Н. Романовой. Монахиня Серафима (Булгакова) в «Дивеевских преданиях» упоминала двух стариц по имени «Ксения»: «блаженную Ксению Степановну», молившуюся на месте закладки «нового собора» «во имя иконы Божией Матери “Умиление” и преподобного Серафима» [9, С. 92], и землячку рясофорной сестры Агаши Купцовой Ксеньюшку, обладавшую особым

даром созерцания духовного мира: «Ксеньюшка, а ты видишь ангелов? <...> — Немного вижу» [9, С. 110].

Мотив видения, соотносящий «конкретные исторические события с их проекцией на сакральное преображение царя-мученика» [10, С. 348], организует лирический сюжет стихотворения С.С. Бехтеева. В молитвенном предстоянии «перед Иконой Святой» старица Ксения просит Спасителя сжаться «над темной, безумной страной», охваченной братоубийственной ненавистью и «долгой войной», от которой «гибнет Россия», «плачет и стонет кормилица наша земля», «Русь православная гибнет, на радость врагам» [1, С. 127]. В минуту духовного иступления «старица смотрит — и видит Христа пред собой», «Рядом с Христом — Самого Стратотерпца Царя»:

Лик его скорбен; печаль на державном Лице;

Вместо короны стоит Он в терновом венце;

Капли кровавые тихо спадают с чела;

Дума глубокая в складках бровей залегла [1, С. 128].

В видении старицы «в Облик единый сливаются в бездне теней / Образ Господень и Образ Страдальца-Царя» [1, С. 128]. Еще живой Государь, только вступивший на предуготованный ему свыше крестный путь [11], в духовном прозрении героини стихотворения предстает в ореоле мученика. Вообще образ Царя-Стратотерпца, своим подвигом и жертвенностью уподобляемого Христу [12], становится центральным в творчестве С.С. Бехтеева, которого, по замечанию А.М. Любомудрова, «можно назвать поэтом русской Голгофы» [13, С. 37]. Создавая обширный и художественно многомерный «царский текст» в литературе русского зарубежья, С.С. Бехтеев оказывается не только биографом-летописцем исторического пути последнего российского императора, но и его агиографом: из стихотворений о Николае II, как из мозаичных фрагментов клеймовой иконописи, складывается грандиозное полотно — «Святой Царь» (такое название, кстати говоря, поэт избрал для своей «неизданной драмы» [1, С. 78] задолго до канонизации императорской семьи Русской православной церковью за границей).

Центральным эпизодом сакральной мистерии прославления Царя явилась кульминация в стихотворении «Виденье девеевской старицы»: отшельница Ксения видит «лучезарный, нездешний чертог; / В храмине стол установлен стоит поперек: / Яства и чаши для званных рядами стоят; Вместе с Иисусом Двенадцать за брашной сидят, / И за столом, ближе всех одесную Его, / Видит она Николая, Царя своего» [1, С. 128]. Образ Тайной Вечери в ее «литургической (или символической)» онтологии, актуализирующей и абсолютизирующей «благословение» [14, С. 213] крестной жертвы во искупление человеческих грехов, наполняется в стихотворении С.С. Бехтеева особым метафизическим смыслом. Господь благословляет жертвенный путь Царя, даруя ему не только Царствие Небесное, но и славу и духовное дерзновение властвовать в этом Царстве. Христос прямо об этом говорит в своем «Заветном слове», обращенном к старице: «Дщерь, не печалься; Царя твоего возлюбя, / Первым поставлю Я в Царстве Святых у Себя!» [1, С. 129].

Прославленный Господом царь в видении старицы Ксении предстает духовно преображенным: «Кроток и светел Его торжествующий Лик, / Будто Он счастье желанное сердцем постиг, / Будто открылись Его светозарным очам / Тайны, незримые нашим греховным глазам» [1, С. 128]. Портрет Николая, возникающий в финале стихотворения («Светел, как солнце, державный, ликующий взор; / Ясен, безбрежен, как неба лазурный простор» [1, С. 129]), имеет ярко выраженную иконописную и иконографическую образность. Художественно-мистическое прозрение судьбы императора Николая II, переданное С.С. Бехтеевым в стихотворении «Виденье дивеевской старицы», оказалось поистине пророческим. Источником

пророческого дара поэта, верного Царю и Отечеству, была глубинная онтологическая связь С.С. Бехтеева с Православной Церковью. Для «царского певца», какковым осознавал себя на чужбине С.С. Бехтеев, фигура преподобного Серафима Саровского, прославленного в лике святых императором-страстотерпцем, стала символом надежды на духовное возрождение и воскресение России.

Библиографический список

1. Бехтеев С.С. Грядущее: стихотворения. — СПб., 2004. — 448 с.
2. Невярович В.К. Сергей Бехтеев — русский национальный поэт // Вера и верность: сборник статей памяти Сергея Бехтеева. — Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2012. — С. 63-71.
3. Преподобный Серафим Саровский в воспоминаниях современников. — М.: Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1998. — 416 с.
4. Воронцова Н.Н. Словесные портреты святых в художественной литературе, агиографии и иконописных подлинниках // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2009. — Т. 8. — №2. — С. 113-116.
5. Троицкий Д., прот. Житие преподобного Серафима Саровского // Серафимо-Дивеевские предания. Житие. Воспоминания. Письма. Церковные торжества. — М.: Паломник, 2001. — С. 7-75.
6. Королева С.Б., Кузьмин С.М. Революция, царь и Святая Русь: эволюция магистрального сюжета в поэзии Сергея Бехтеева // Эпистола. Филологический журнал. — Нижний Новгород, 2022. — Т. 2. — №4. — С. 28-41.
7. Обручев Н. Подлинный облик Царя-мученика как человека, христианина и Монарха // Царь и Россия: Размышления о Государе Императоре Николае II. — М.: Отчий дом, 2017. — С. 5-115.
8. Ляшевский С., прот. Дивеев монастырь в мятежные годы // Серафимо-Дивеевские предания. Житие. Воспоминания. Письма. Церковные торжества. — М.: Паломник, 2001. — С. 447-483.
9. Серафима (Булгакова), монахиня. Дивеевские предания // Серафимо-Дивеевские предания. Житие. Воспоминания. Письма. Церковные торжества. — М.: Паломник, 2001. — С. 76-157.
10. Афанасьева Э.М., Антипина Е.М. Поэтика стихотворения Сергея Бехтеева «Видение Дивеевской старицы» // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной памяти профессора Л.А. Араевой. — М.: ГИРЯ им. А.С. Пушкина, 2022. — С. 345-349.
11. Урюпин И.С. Мотив крестного пути в поэзии И.А. Бунина и С.С. Бехтеева // Творческое наследие И.А. Бунина в контексте современных гуманитарных исследований: сборник научных трудов. — Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2015. — С. 139-144.
12. Урюпин И.С. «Евангельский текст» в поэзии С.С. Бехтеева: образ «царского креста» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2014. — №3. — С. 71-74.
13. Любомудров А.М. Голгофская страна: художественная историософия России в поэзии и прозе Русского Зарубежья // Русско-Византийский вестник. — 2021. — №4 (7). — С. 25-40.
14. Степнова Я.С., Толобова Е.О. Парадигма использования образа «Тайной вечери» в искусстве и культуре // Тезисы докладов 45 Республиканской научно-технической конференции преподавателей и студентов, посвященной Году книги. — Витебск: ВГТУ, 2012. — С. 212-213.

DIVEEV SPIRITUAL HORIZONS IN POETRY BY S. S. BEKHTEEV

I.S. Uryupin

Doctor of Philology (Moscow)

Abstract. An article on the creative heritage of S.S. Bekhteev, one of the brightest representatives of the Orthodox church vector in the literature of the Russian abroad, the author of «Songs of Russian Sorrow and Tears,» who remained in the memory of his contemporaries as a «tsar's guslyar» and «loyal» to Holy Russia, examines the problem-thematic field of his poetry associated with the spiritual space of the Diveevsky monastery and the figure of St. Seraphim of Sarov. The understanding of the phenomenon of the god-bearing elder in the sacred history of Russia is given in the poem by S.S. Bekhteev «The Pleasant.» It iconographically presents the image of the great ascetic, in whose glorification the last Russian emperor took part in the face of the saints. The passionate feat of Nicholas II was predicted by the inhabitant of the monastery of St. Seraphim of Sarov and artistically embodied in the poem by S.S. Bekhteev «Vision of the Diveev Old Woman,» which is analyzed in an article in a wide cultural, historical and religious and philosophical context.

Keywords: S.S. Bekhteev, St. Seraphim of Sarov, Diveevsky Monastery, Nicholas II, «royal cross,» «royal text».

«САМОУЧИТЕЛЬ РУССКОГО»: ЛИНГВОАКСИОЛОГИЯ КАК НАУЧНЫЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ

С.Г. Павлов

кандидат филологических наук, доцент (Нижний Новгород)

Аннотация: В статье представлено обзорное описание современного направления в лингвистической науке — лингвоаксиологии. Обоснована объективность языка как средства выражения национального сознания и общественных ценностей. Кратко представлены основы лингвоаксиологии: в лингвистическом аспекте дано понятие «ценность»; указана социальная значимость лингвистического изучения ценностей; продемонстрированы некоторые методические приёмы реконструкции ценностного компонента языковых фактов. На конкретном языковом материале показана эффективность лингвоаксиологии как инструмента мониторинга отражённого в языке духовно-нравственного состояния социума. Основные выводы статьи сводятся к трём тезисам: 1. Язык — средство формирования, хранения и трансляции ценностей. 2. Лингвоаксиология как научный проект — лингвистическая методология моделирования ценностей. 3. Лингвоаксиология как социокультурный проект — способ актуализации ценностей в национальном сознании и диагностики духовно-нравственного состояния общества.

Ключевые слова: лингвистика, аксиология, ценность, оценка, общество.

Вступление

Роман Е.Г. Водолазкина «Лавр» заканчивается примечательным диалогом. Немецкий купец Зигфрид в ответ на слова кузнеца Аверкия, упрекнувшего его в том, что он восемь месяцев живёт в русской земле и до сих пор не понимает её, спрашивает: «А сами вы её понимаете?» — «Мы? Сами мы её, конечно, тоже не понимаем». И это во многом верно. Во второй половине XIX в. верный взгляд на Россию потеряла значительная часть русского общества. Ф.М. Достоевский, имея в виду дворянскую и разночинную интеллигенцию, кратко сформулировал: «России учиться. У нас дошло до того, что России надо учиться, обучаться как науке, потому что непосредственное понимание её в нас утрачено» [1, С. 61]. Попытаемся понять Россию, то есть самих себя, посредством русского языка.

Язык кодирует предметы внешнего мира и внутренние состояния человека. По языку можно узнать не только происхождение и историю народа, но и сокровенную часть его соборной личности — психологические черты, уровень морального сознания и духовности, потребности, скрытые мотивы поведения. Одним словом, ценности — всё, что необходимо для правильного понимания культурных «текстов», от бытового разговора до политических событий. А в конечном итоге для того, чтобы быть спокойным и счастливым в допустимой русским менталитетом и современными обстоятельствами мере.

Знания о мире накапливаются, хранятся и репрезентируются в языке и текстах. Текст всегда субъективен и в той или иной мере характеризует авторское

мировоззрение. Язык субъективен в том смысле, что выражает мировоззрение целого народа, но в этом своём качестве он в высшей степени объективен. Текст бывает истинным, ложным или бессмысленным. Язык не может притворяться. Он всегда является знаковым выражением подлинного события в жизни соборной личности народа. Как отмечает академик Ю.Д. Апресян, «в языке закреплён опыт тысячелетий психологической и культурной интроспекции его носителей, данные которого по своей надёжности никак не уступают данным экспериментальной психологии» [2, С. 27].

Язык всегда «истинен», поскольку в его формах совпадают этические, эстетические и интеллектуальные переживания большинства. Если совпадение утрачивается, языковая форма уходит в пассив, архаизируется, вплоть до полного исчезновения. Хотя это не означает исчезновение породившего её духа, который в каждый момент истории творит себе формы сообразно с наличествующими условиями. Если при «обкатке» нововведения в речи этого совпадения не образуется, новшество в языке не приживается. Таким образом, в словах и грамматических категориях языка национальное согласие достигает максимума, вследствие чего характер народа объективнее всего высвечен в самой системе языка, а не в текстах.

Лингвоаксиология

В настоящее время тезис об аксиологичности человеческого сознания является общепринятым. Язык как средство познания и коммуникации формирует, выражает и транслирует ценности, выработанные в ходе исторического развития народа. В языке закреплена ценностно окрашенное отношение ко всем сферам человеческой деятельности. Ценности — сущность культуры. Сегодня они составляют предмет отдельной наукой — аксиологии, занимающейся «изучением положительной, нейтральной или отрицательной значимости любых объектов, отвлекаясь от их экзистенциальных и качественных характеристик. Среди типов ценностей, привлекающих наибольшее внимание общей аксиологии — моральные ценности, правовые ценности, ценности научного познания, ценности человеческой истории и социальных теорий, ценности, связанные с природой человека и смыслом его жизни» [3, С. 3].

Возникновение лингвоаксиологии, безусловно — историческая веха в развитии языкознания и общества. Обращение лингвистов к реконструкции аксиосферы не только созвучно общему пафосу антропоцентрической парадигмы лингвистики с её пристальным вниманием к человеку, но и диктуется острой социальной необходимостью. Вдохновляющий, конструктивный пафос нуждается в облагораживающем научные изыскания этосе, который привносится ценностным аспектом лингвистического антропоцентризма. Образно говоря, структурализм смотрит на систему языка, антропоцентризм — на говорящего человека. При этом, если, например, когнитивистика заглядывает «под черепную коробку» носителей языка, то лингвоаксиология вглядывается им в душу.

Не требующая дорогостоящего оборудования, лингвоаксиология работает на фундаментальном уровне культуры — языке и ценностях, что делает её безальтернативной по экономности и эффективности формой общественного самопознания и диагностики духовно-нравственного состояния социума. Аксиологическая лингвистика с её способностью проникновения в сферу коллективного сознания и мотивы индивидуального (речевого) поведения в недалёком будущем способна превратиться в одну из наиболее востребованных гуманитарных дисциплин.

Научная составляющая лингвоаксиологического проекта — моделирование аксиосфер (национальной, социальной индивидуальной) и решение всех связанных с этими целями задач. В качестве научного проекта лингвоаксиология представляет собой своеобразный «Самоучитель русского языка» — финансово незатратный, технологически простой, компактный, всегда находящийся под рукой. Всё это возможно потому, что язык в сжатом до пределов человеческой памяти виде хранит всю аксиологически важную информацию о мире, весь совокупный опыт тысячелетней истории народа. Это уникальное по доступности и универсальности полное собрание «правил эксплуатации» окружающей действительности. Задача профессионального лингвиста — научить извлекать ценную информацию из многовековых смысловых напластований.

Почему лингвоаксиология — проект, а не парадигма или направление науки? Во-первых, лингвоаксиология проходит стадию становления, она буквально проектируется на наших глазах. Во-вторых, она имеет ряд черт, присущих современному пониманию слова «проект». Проект — совокупность интеллектуальных процедур и технологических решений, направленных на создание уникального продукта. Продуктом лингвоаксиологии является описание языка как средства выражения, трансляции и формирования ценностей. Проект имеет социальную значимость и решает какую-то масштабную задачу. Лингвоаксиология, помимо традиционных прагматических целей науки (описать, выявить, классифицировать), имеет важное гуманитарное и даже экзистенциальное значение. Лингвоаксиология — это всегда, пусть и в латентном виде, не описание, а объяснение. Лингвоаксиология уже в силу самой своей исследовательской специфики готова более или менее объективно ответить на вопросы о ценностях народа, социальной группы, конкретного человека. Выяснение ценностного — историко-культурологического, философского, психологического, социологического — содержания языковых фактов позволяет человеку познакомиться с самим собой и самоопределиваться по отношению к главным проблемам бытия — мировоззренческим. Рассмотрим несколько лингвоаксиологических идей на конкретных языковых примерах.

Реконструкция ценностей. Язык фиксирует ценности разными способами — внутренней формой, семантикой, коннотацией, словообразовательными связями слова.

Семантика и коннотация отражают оценку реалии непосредственно. Так, семантика слова «подхалим — низкий, подлый льстец, угодничающий ради своих корыстных целей» говорит о том, что в русской культуре предосудительно угождать людям (обычно вышестоящим), преследуя собственные интересы. Коннотация слова «пресловутый (ирон.) — получивший отрицательную или сомнительную известность, славу» демонстрирует негативное отношение не только к некоторым знаменитым людям, но и к определённым способам приобретения известности.

Этимология. Внутренняя форма слова фиксирует точку зрения на реалию в момент её номинации. Этимология слов, давно бытующих в языке, отражает взгляд наших предков. Например, слово «жена — женщина» фонетически соответствует слову греческому «γενναω — рожать», следовательно, главной характеристикой женщины славяне видели её способность быть матерью.

Сочетаемость. Сочетаемость языковой единицы способна выявлять скрытую оценочность, в том числе и, казалось бы, нейтральных слов. Частица «даже» употребляется в ситуации, когда говорящий не ожидал, что некто X будет делать нечто Y. Эта семантика позволяет использовать частицу «даже» в качестве средства обнаружения имплицитных ценностей. Совершенно естественно

выглядит фраза: «В начавшейся дискуссии даже либералы заняли пророссийскую позицию». Сравните неестественность фразы: «В начавшейся дискуссии даже православные заняли пророссийскую позицию». Данный факт означает, что либералам национальное сознание отказывает в патриотизме, а православным приписывает его.

Словообразовательные связи. Одним из ключевых в наше время стало слово «потребление» и однокоренные с ним слова: «нормы потребления», «потребительский стандарт», «права потребителя» и так далее. Современное общество в целом называется «обществом потребления». Совершенно очевидно, что способность покупать услуги и товары превратилась сегодня в чрезвычайно актуальный компонент жизни. В самих «потребностях» нет ничего предосудительного. Они обусловлены биологической и культурной составляющими человеческой природы. Однако оказывается, что общество, сделавшее удовлетворение потребностей принципом и смыслом жизни, не имеет признания в русском моральном сознании. Профессиональный взгляд лингвиста обнаруживает в потреблении негативный аспект. Слово «потребительство» и выражение «потребительское отношение» осуждают гипертрофию материальных ценностей и жизненную философию, ориентированную исключительно на удовольствия и развлечения. Негативная оценочность данных языковых фактов открывает важные ценности русской культуры — приоритет духовного и коллективного начала перед материальным и индивидуальным.

Формальные и культурно значимые элементы (изменения) языка. Одни языковые элементы формальны и не оказывают влияния на систему ценностей народа. Другие несут культурно значимый характер. Они отражают и одновременно формируют новые ценности, потому что созданное человеком начинает оказывать воздействие на его мышление и образ жизни.

К.Д. Ушинский в статье «О нравственном элементе в русском воспитании» пишет: «Мы требуем, чтобы учитель русского языка, учитель истории и т.д. не только вбивали в голову своим ученикам факты своих наук, но развивали их умственно и нравственно. Но на чём же может опираться нравственное развитие, если не на христианстве?» [4, С. 277]. По современной норме глагол «опираться» употребляется с винительным, а не с творительным падежом — «опираться» (на что). Изменение в русском языке произошло, но оно формально, поскольку не оказывает никакого влияния на мировоззрение человека, говорящего по-русски. А вот представим теперь, что слово «христианство» будет пониматься не как «православное христианство» К.Д. Ушинского, а как современная шведская версия. В 2009 г. шведская лютеранская церковь узаконила для своих прихожан однополюе браки. Подобное изменение негативно значимо, потому что с точки зрения традиционной культуры гомосексуализм — это антиценность. Достаточно вспомнить хотя бы библейскую историю Содома, от названия которого происходит термин «содомия». Утрата этим словом отрицательной коннотации будет способствовать укоренению в обществе или в отдельной социальной группе новых ценностных установок. Подобное на наших глазах происходит, например, со словом «карьерист», которое не только отчасти утратило неодобрительную оценочность, но и приобретает положительный смысл.

Консерватизм языка

Язык, коллективное сознание и общество — тонко взаимосбалансированные системы. Однако язык (не речь!) консервативнее общества. Он сохраняет некоторую автономность по отношению к своему носителю, как бы давая ему время

одуматься и скорректировать социокультурное поведение. Современный язык, как правило, обладает большим нравственным здоровьем, чем общество, потому что в нём представлены ценности предыдущих, духовно более благополучных поколений.

Лингвоаксиология обнаруживает своеобразный языковой сопромат. Сопротивляемость языкового материала выше сопротивляемости носителей языка. Культурная память языка поддерживает традицию. Например, слова «друг» и «подруга» имеют ценностную асимметрию. Слова «девушка (парень)» и «подруга» развили специфическое значение «половой партнер». Но общая тенденция не смогла девальвировать аксиологический компонент слова «друг». «Он мой друг — Он мой парень (бой-френд)». Первое исключает подозрение о добрачной связи, второе её предполагает (хотя и не обязательно на неё указывает). Следовательно, дружба остается одной из главных ценностей русских, в отличие, например от американских ценностей, где слово «friend», которое в англо-русском словаре переводится как «друг», в большинстве случаев обозначает не друга, а знакомого. Чтобы выразить содержание русского слова «друг», нужно добавить «close (friend) — близкий друг».

В семантике языковых единиц, помимо сознательной интеллектуальной работы, отражаются духовные процессы, результаты которых люди часто стараются вытеснить из светлой зоны сознания. Эти духовные процессы связаны с действием совести. Государство и общество легализовали абортивную практику, однако совесть продолжает бороться за жизнь младенцев. Использование громоздкого составного термина «искусственное прерывание беременности» вызывает вопрос. Чем обусловлено его появление при наличии гораздо более экономичного термина «аборт»?

В семантике слова или словосочетания есть компонент, отвечающий за наглядность обозначаемой реалии. Он связан со степенью осознаваемости внутренней формы слова — того образа, с помощью которого предмет представлен в языке. Степень наглядности во многом определяет интенсивность переживания и эмоциональную реакцию на соответствующее понятие. Слова, обозначающие одну и ту же реалию, имеют разный индекс наглядности. Сравним: «убийство — аборт — искусственное прерывание беременности». В семантике данных языковых единиц по-разному представлены эмоциональный и интеллектуальный компонент. В официально принятых терминах «аборт» и «искусственное прерывание беременности» сердечное чувство вытеснено интеллектуальной составляющей значения, вследствие чего они затушевывают трагическую сущность явления. Назови услугу акушера, как говорится, «своими словами», и ужаснёшься демократическому обществу, узаконившему грех лишения жизни невинных и беззащитных.

Видимо, слово «аборт» со временем получило высокую степень переживаемости и негативную оценку. Термин «аборт» по своему психологическому содержанию стал приближаться к слову «убийство», и более удобной для компромисса с совестью оказывается другая номинация, пусть даже менее экономичная. Подобные изменения направляют сознание человека на ложный путь и служат причиной личных и социальных катастроф. Как видим, отрицательную роль может играть и официальная терминология, обслуживающая государственную идеологию.

Научная терминология или манипуляция?

Герой романа Ф.М. Достоевского Родион Раскольников после попытки спасти пьяную девушку от плотоядного франта размышляет о судьбе подобных ей несчастных: «Это, говорят, так и следует. Такой процент, говорят, должен уходить

каждый год... куда-то... к чёрту, должно быть, чтоб остальных освежать и им не мешать. Процент! Славные, право, у них эти словечки: они такие успокоительные, научные. Сказано: процент, стало быть, и тревожиться нечего. Вот если бы другое слово, ну тогда... было бы, может быть, беспокойнее...» («Преступление и наказание»). Посмотрим на современную терминологию.

В университетском учебнике по этносоциологии написано, что в 1990-е гг. «Россия впервые в своей истории столкнулась с фактом отрицательного естественного прироста населения и тенденцией к депопуляции» [5, С. 73]. «Отрицательный естественный прирост» — внутренне противоречивый термин, маскирующий стоящее за ним явление. «Отрицательный прирост» — оксюморон, эвфемистическую абсурдность которого призвано скрыть слово «естественный». Составной термин «отрицательный естественный прирост» задает следующую стратегию прочтения: естественным порядком, по определенным закономерностям идет статистически фиксируемый социальный процесс. Аналогичную функцию выполняет термин «депопуляция». Во имя научной беспристрастности слово «вымирание», обладающее «ненужной» в научном стиле коннотацией, заменяется заимствованием, не имеющим степени эмоционального воздействия исконного слова.

Ещё один термин — «естественная убыль населения». Он обозначает демографическую ситуацию, когда число умерших превышает число родившихся. На самом деле вымирание народа не может быть естественным процессом. Как раз природная репродуктивная способность человека препятствует вымиранию. В случае «естественной убыли» всегда нужно искать фактор искусственного характера. Предоставляем читателям подумать, какие социальные и ментальные причины вызвали нынешнюю демографическую катастрофу в России.

Фантомная номинация

В самом общем и прямом смысле под «фантомной номинацией» мы понимаем номинацию несуществующих реалий. Фантомные слова — слова без реального денотата: «кентавр», «единорог», «русалка», «леший». Начиная с эпохи великих географических открытий, человечество исследовало весь земной шар. Названные существа не обнаружены. Любителям загадок остаются труднодоступные горные массивы, водные глубины и просторы космоса. Туда воображение поселяет «йеху», «Лох-несское чудовище» и «инопланетян». Всего этого исключить, конечно, нельзя, но, пока нет достоверных фактов, следует классифицировать данную номинацию как фантомную. Отсутствие самих реалий не мешает использовать фантомные имена в качестве средства вторичной номинации, так как у них есть сигнификат — понятийная сторона слова. Сигнификат создан воображением и закреплён за звуковым комплексом, при восприятии которого у человека рефлекторно возникает определенный образ. Поэтому, хотя никто никогда не видел лешего или кикимору болотную, сравнение с ними представляется людям оскорбительным.

Против фантомной номинации восставал М. Горький. В статье «О языке» (1934) он писал: «... Не должны бы иметь места слова, лишённые смысла, — все они осмыслены правдой или ложью <...> Теологи насорили очень много слов, осмысленных ложью: Бог, грех, блуд, ад, рай, геенна, смирение, кротость и т.п. Лживый смысл этих слов разоблачён, и хотя скорлупа некоторых, например, слова ад — осталась, но наполняется иным, уже не мистическим, а социальным смыслом» [6]. Списки слов с пустыми денотатами разнятся в зависимости от мировоззрения. Мнение Горького не совпадает с традиционными христианскими представлениями.

В связи с присутствующим в списке М. Горького словом «блуд» приведём один эпизод из его взаимоотношений с американской общественностью в начале XX века. Когда в 1906 г. М. Горький прибыл в США, американские писатели во главе с М. Твенном хотели устроить в честь этого события банкет. Однако вскоре выяснилось, что спутница Горького — не законная его жена, а «гражданская»: «Твен поспешил отказаться от банкета; печать ополчилась против “безнравственности” Горького. Ему пришлось оставить Америку, всё ещё не освободившуюся от гнета условной мещанской морали и лицемерного англосаксонского *cant*’а» (англ. *cant* здесь «ханжество») [7]. Симптоматичны кавычки вокруг «безнравственности» и презрительное словосочетание «мещанская мораль». Упразднение «мещанской морали» и торжество новой нравственности привело к тому, что в 2023 году на десять браков в России приходится семь разводов.

«Спор о словах»

Пресловутый «спор о словах» — не лингвистическое любопытство или начётничество. Выбор слова — это самоопределение человека по отношению миру. Люди без святынь семьи, брака, целомудрия, мужской чести и женской стыдливости нравственно деградируют. К лексикону данной семантической области нужно быть предельно внимательным обществу в целом и каждому человеку в отдельности, особенно тем, кто работает в области публичной коммуникации — политику, учителю, блогеру и так далее.

В нормальном обществе традиционное содержание слов «любовь», «семья», «мать», «супруги», «родители» является для некоторых его членов профилактическим и терапевтическим средством. Под влиянием этих слов люди могут осознать аморальность своего поведения. Ложное их толкование и появление номинаций типа «суррогатная мать», «человеческий клон», «шведская семья» обнаруживают глубокую нравственную поврежденность общества. То, что должно было лечить, стало калечить.

В песенке «7 этаж» лирическая героиня певицы Леры Массквы благодарит «за семь часов счастья на седьмом этаже» и утверждает: «Теперь я точно знаю, что такое любовь». Она заблуждается — это не «любовь», а лишь одна из её сторон, не главная. Физиологический аспект взаимоотношений полов имеет другое имя — «секс». Русская культура сопротивляется пропуску этого слова в поэтическом тексте. Попытки снять стилистические и жанровые ограничения с понятия «секс» и легализовать его в русском обществе под высоким словом «любовь» свидетельствуют о разложении традиционных морально-этических устоев. Об этом много говорится и пишется. Лингвист может только присоединиться к оценке новых номинаций традиционалистами — медиками, психологами, философами, священниками: «Гражданский брак» — это «блуд», бездетный союз мужчины и женщины — не «семья», а «брак», «однополоый брак» — не брак, а содомское сожительство, чувства содомитов — не «любовь», а «болезнь».

В.И. Даль приводит в своем словаре слова «женство — совокупность свойств женщины» и «женственность», отмечая, что «последнее относится до одних нравственных качеств женщины». Специальное обозначение женских характеристик («женство») было утрачено. Слово «женственность» стало названием внешних, но не телесных качеств — обаяния, мягкости и изящества манер: «Формы Ирады созрели и налились..., но женственность ещё не проснулась в ней» (В. Токарева, «Своя правда»). Очевидно, внутренний мир женщины постепенно перестает интересовать общество, и в первую очередь — мужчин. Сегодня слово «женственность» уже способно заменяться словом «сексапильность», в котором подчеркивается исключительно биологическая сторона женской природы. Наташа

Ростова женственна, но не сексапильна. Элен Курагина — наоборот. Симпатии Л.Н. Толстого и, соответственно, читателя — на стороне живой и милой непосредственности, а не красоты мраморной статуи. Современная масскультура рассматривает женщину прежде всего как сексуальный объект, как самку. Появление комплимента «секси» («сексапильная») свидетельствует о серьёзных и болезненных изменениях в системе ценностей.

Заключение

Оценка реалии закрепляется за языковой единицей, манифестируя номинируемое явление как ценностный выбор национальной культуры. Аккумулируя наиболее актуальный опыт предков, язык выступает «непреднамеренным воспитателем» народа (К.Д. Ушинский), индикатором его морального сознания, мерилom речевого и социального поведения. Не стоит преувеличивать роль языка, полагая, что сам факт русской речи может стать, например, препятствием для процветания ценностей гламура и консюмеризма. Но не следует и недооценивать его педагогический потенциал, нуждающийся, подчёркнём, в просветительской миссии лингвистов. Лингвоаксиологический мониторинг актуализирует в сознании носителей языка предписания веками проверенных традиций, что может стать руководящим ценностным ориентиром в эпоху дезориентирующего плюрализма, тотальной нестабильности и общесистемного кризиса человеческой цивилизации.

Ценность антропогенна и иногда больше сообщает о своём носителе, чем о вещи. Ценность антропогенна и в силу этого субъективна. Однако в языке она присутствует как результат коллективного выбора, и в этом смысле абсолютно объективна. Аксиологически отмеченные единицы позволяют увидеть явление глазами большинства. Сомнительное становится очевидным, очевидное подтверждается, требующее доказательств аксиоматизируется. Лингвоаксиология позволяет как бы дистанцироваться от современных реалий и оценить происходящее холодным взглядом аналитика. В качестве «Самоучителя» лингвоаксиология:

- 1) учит нас русскому языку как системе ценностей;
- 2) связывая язык в единый нерасторжимый комплекс с культурой, менталитетом и историей, учит понимать русский цивилизационный проект в целом (и умом, и сердцем);
- 3) учит русского человека самопознанию — открывает неочевидные движения души и даёт саму методику её исследования.

Библиографический список

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 21. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1980. — 551 с.
2. Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. — 1993. — №3. — С. 27-35.
3. Ивин А.А. Аксиология. — М.: Высшая школа, 2006. — 390 с.
4. Ушинский К.Д. Русская школа / Сост., предисл., коммент. В.О. Гусаковой / Отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2015. — 688 с.
5. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология: Учеб. пособ. для вузов. — М.: АСПЕКТ-ПРЕСС, 1998. — 270 с.
6. Горький М. О языке. // Электронный ресурс: [https://ru.wikisource.org/wiki/О_языке_\(Горький\)](https://ru.wikisource.org/wiki/О_языке_(Горький)).
7. Венгеров С. Горький, Максим // Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрона // Электронный ресурс: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/biografiya/vengerov-gorkij.htm>.

«RUSSIAN SELF-TUTORIAL»: LINGUOAXIOLOGY AS A SCIENTIFIC AND SOCIO-CULTURAL PROJECT

S.G. Pavlov

Candidate of Philological Sciences (Nizhny Novgorod)

Abstract: The article provides an overview description of the modern trend in linguistic science — linguoaxiology. The objectivity of language as a means of expressing national consciousness and social values is substantiated. The basics of linguoaxiology are briefly presented: in the linguistic aspect, the concept of “value” is given; the social significance of the linguistic study of values is indicated; Some methodological techniques for reconstructing the value component of linguistic facts are demonstrated. The effectiveness of linguoaxiology as a tool for monitoring the spiritual and moral state of society reflected in language is shown using specific linguistic material. The main conclusions of the article come down to three theses: 1. Language is a means of forming, storing and transmitting values. 2. Linguistic axiology as a scientific project — linguistic methodology for modeling values. 3. Linguistic axiology as a sociocultural project is a way of updating values in the national consciousness and diagnosing the spiritual and moral state of society.

Keywords: linguistics, axiology, value, assessment, society.

ПОМОЩЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЫ А.С. ПУШКИНУ И В.И. ДАЛЮ НА ПЕРЕЛОМНЫХ ЭТАПАХ ЖИЗНИ

Грачев М.А.

доктор филологических наук, профессор (Нижний Новгород)

Аннотация: В статье повествуется о влиянии православия на судьбы А.С. Пушкина и В.И. Даля. В материалах автор обращает внимание на помощь веры для двух творческих гениев и патриотов, по-своему интерпретирует уже устоявшиеся положения о ряде произведений. Особо обращает внимание на конкретную помощь священнослужителей в тяжёлые дни жизни. И Пушкин, и Даль шли к православию всю жизнь.

Ключевые слова: православие, патриот, Россия, самодержавие, реформа, монастырь.

Цель статьи — описать православные мотивы жизни и творчества А.С. Пушкина и В.И. Даля и в то же время показать помощь церкви двум гениям в трудное для них время.

Император внимательно прочитал программы Южного и Северного общества декабристов. Особенно его возмутили строчки из декларации Южного общества, где несостоявшийся диктатор Павел Пестель предлагал уничтожить всю династию Романовых! «Вот как, — молвил возмущённо император, — и стара, и мала! Всех умертвить...». Он потом, при встрече с Пушкиным показывал эту людоедскую программу, как бы говоря: вот с кем ты связался, поэт-гуманист! Хотя этих слов император не произнёс... И, видя, как изменился в лице Александр Сергеевич, он понял, что поэт будет теперь всегда на его стороне! В ходе разговора император убедился в гениальности великого поэта. «Я сегодня разговаривал с самым умным человеком в России», — заявил он придворным. — Он — мой». Так или примерно так сказал Николай I. Последние слова означают, что А.С. Пушкин будет поддерживать российскую монархию, все начинания великого монарха и в то же время находится под персональной защитой всемогущего императора. Работать над славой и величием России они теперь будут вместе. Наивно полагать, чтобы хозяин земли Русской вздумал бы преследовать одного из лучших своих работников. И в дальнейшем, после того исторического разговора в Чудовом монастыре, император не наказывал поэта, а увещевал, направлял, даже просил не совершать опрометчивые поступки и помогал в финансовом отношении. На В.И. Даля император воздействовал через его непосредственного начальника, министра МВД Л.А. Перовского, считая великого лексикографа также хорошим и нужным работником для России.

Пока никто из критиков не ответил на вопрос, а почему император вызвал поэта в Москву и именно в Чудов монастырь. Может быть, это своеобразное психологическое давление на Пушкина? Православный знаменитый Чудов монастырь с его непередаваемой церковной архитектурой, торжественной и мрачной обстановкой помещений, Помазанник Божий Николай I, казнь декабристов и повеление поэту прийти именно в это сакральное место...

Поэт был потрясён встречей с императором. А.С. Пушкин ожидал от неё все громы небесные на свою голову: неблаговоление царя и даже ссылку в Сибирь с лишением всех прав и привилегий дворянства. Но вместо этого была конструктивная беседа с ним о спасении России, об огромной пропагандистской роли в жизни общества поэтов и писателей. Итогом этих разговоров стало программное эмоциональное стихотворение «Пророк». Оно датируется днём встречи его с царём — 8 сентября 1826 г. в Чудовом монастыре в г. Москве. Почему-то критиками это произведение анализируется односторонне, как взаимоотношение поэта и поэзии, но отсутствует освещение нравственных и патриотических проблем.

Пушкин вышел из помещения монастыря в потрясённых чувствах: первая личная встреча с императором после такого события как бунт декабристов. А если прибавить сюда и православную сакральную обстановку, да ещё и название монастыря... Действительно, с Пушкиным в Чудовом монастыре произошло чудо — преобразование поэта, его духовное перерождение. Эту эволюцию можно проследить по его произведениям. И потом: язык данного стихотворения проанализирован критиками так же односторонне. Почему до 8 сентября «в пустыне жалкой я влачился», «вырвал грешный (!) мой язык», а затем в ультимативно-приказной форме серафим (Бог) повелевает: «Восстань пророк /, И виждь, и внемли, / Исполнись волею моей, / И, обходя моря и земли, глаголом жги сердца людей...». Заметим, не поэт, а пророк. Читатель ответит, что все барды имели определённый пророческий дар. И с этим нельзя не согласиться. Но А.С. Пушкин только после встречи с императором, помазанником Божиим осознал этот дар в себе.

В данном стихотворении есть все элементы оды: торжественность, возвышенность, именно в нём преобладают патетические чувства. Произведение написано благородным четырехстопным ямбом, наблюдается преобладание церковнославянских слов над другими пластами лексики (что и соответствует тематике): «влачился», «серафим», «восстань», «пророк», «виждь», «внемли», «исполнись» и так далее. Чем-то судьба лирического героя напоминает судьбу персонажа библейской притчи «О блудном сыне», который, в силу своего безнравственного поведения, остался без средств к существованию из-за прелюбодеев и прелюбодеек и вернулся к Отцу.

Отец — это Бог, а сын — человек, отошедший от христианской религии, но Бог прощает заблудших овец, тем более что они уже и так морально и физически наказаны. Стихотворение «Пророк» — своеобразная клятва поэта служить православию, а значит, России и царю как помазаннику Божию.

Причин изменения мировоззрения поэта несколько: во-первых, он давал клятву на верность царю, помазаннику православного Бога, властителю России; во-вторых, он увидел ужас декабристского восстания, доселе ему до конца непонятного, когда вожди декабристов, обманом уговорив сотни простых, ничего не понимающих солдат в ситуации с престолонаследием, взбунтовали их против законного императора и спровоцировали убийство героя Великой Отечественной войны 1812 года, генерал-губернатора Санкт-Петербурга Петра Милорадовича.

Обнародование планов мятежников: убийство членов царской семьи, превращение России в самодержавную республику, пресмыкательство перед Западом — навсегда оттолкнули поэта от них. Даже в своём программном и заключительном произведении «Памятник» Пушкин называл декабристов «падшими» («и милость к падшим призывал» — опустившимися, сломленными духом, потерявшими смысл жизни (чаще употребляется в сочетании как «падшая женщина», «падшие души»).

Сильная власть, способствующая удержанию народов от мятежей и территориальной необъятной России, армия, призыв императора к объединению всех творческих сил вокруг трона — вот теперь его идеалы и планы. А творческие силы — это будущие прогрессивные реформаторы, творческая интеллигенция, исследователи русского духа, что и было потом сделано В.И. Далем в 1845 году при создании Русского географического общества (РГО), но уже без А.С. Пушкина. Великий лексикограф так же, как и великий поэт, не хотел никаких революций.

Реформа с РГО — это великий шаг в русской жизни. Главное: описание её бескрайних просторов, народов, живущих на ней, их дух и язык, а потом — семимильные шаги в образовании и науке.

Особенно гениям претило протестантское религиозное течение в русле христианства.

«К Православию он (В. Даль — М.Г.) шёл всю жизнь. Не мог влюблённый в русский язык В.И. Даль не быть православным». <...> «Я умру православным по форме, хоть с юности православен по верованиям. <...> Я всю жизнь искал истины и теперь нашёл её», — говорил он, вступая в ограду Православия» [1, С. 77-78].

В.И. Даль всегда, как сказано было прежде, признавал ближайшую к Христову учению церковь православную.

«Самая прямая наследница апостолов, бесспорно, ваша греко-восточная церковь, а наше лютеранство дальше всех забрело в дичь и глушь. Эти раскольники (Чистое Поле и его окрестные селения населены раскольниками) несравненно ближе ко Христу, чем лютеране. Лютеране — головы. По учению Лютера: «веруй только во Христа, спасёшься ты и весь дом твой», добрых дел, значит, не нужно. Эдак, не один благоразумный в Евангелии упоминаемый разбойник, но и всякий грабитель с большой дороги в царство небесное угодит, если только верует во Христа» [5, С. 23]. (Заметим, что действием этого распятого рядом с Христом разбойника козыряют современные идеологи криминального мира).

Именно по этим религиозным позициям живёт сегодняшний Запад. Он принял антибожеские законы, разрешающие однополые браки, продажу наркотиков, проведение операций для создания трансгендеров, что само по себе является изменением образа Божьего и природы человеческой.

И, как бы противопоставляя Россию Западу, В.И. Даль утверждает: «Сколько я ни знаю, нет добрее нашего русского народа и нет его правдивее, если только обращаться с ним правдиво... А отчего это? Оттого что он православный... Поверьте мне, что Россия погибнет только тогда, когда иссякнет в ней православию...» [5, С. 234].

Точно также и у А.С. Пушкина. Православие помогало поэту в трудную минуту найти свой правильный путь в жизни и даже защитить его от судебного преследования, поддержать в трудную минуту. Так, во время расследования и установления авторства его юношеской поэмы «Гавриелиада» поэт упал духом. Показательным в этом плане является его стихотворение «Дар напрасный, дар случайный...»:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

26 мая 1828 г. [8, С. 23]

В ответ ему митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов) написал:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога нам дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.
Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомнением взволновал.
Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум, —
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светел ум.

[6, С. 16]

То есть митрополит понял состояние поэта: тот был на краю бездны, и нужно его утешить, поддержать. Он советовал обратиться к Богу и уверовать в то, что жизнь — не случайный дар. Судебные власти и духовные пастыри не преследовали Поэта: он уже и так был наказан совестью за своё кощунство.

Для русского человека (не важно, кто он по социальному статусу — крестьянин, чиновник, купец или дворянин) Россия — это святая Русь, а царь — помазанник Божий. Предать Россию — значит предать царя и самого Бога. И 1812 год прошёл под знаком борьбы православия против атеистов Франции, католиков и протестантов Западной Европы, против «Антихриста» Наполеона. Именно эти идеи проводили в своих произведениях А.С. Пушкин и В.И. Даль.

Даль был ещё и воинствующим защитником православия. Доказательством этого можно считать его исследование «О скопческой ереси», написанное по заданию министра МВД России Л.А. Перовского.

Уже в самом названии — «Исследование о скопческой ереси» — выражено отношение автора к этой секте. Из текста статьи видно, что он критически относился к политике Екатерины II и Александра I, которые, если не поощряли, то, во всяком случае, не запрещали безобразий, творящихся в этой секте. В. Даль приветствовал позицию по отношению к скопцам со стороны правительства Николая I. Как врач, он был против уродования мужчин и женщин в скопческих сектах.

«Скопцы, дерзкие и безумные еретики в отношении веры, составляют очевидно вредное сословие и в гражданском отношении. Будучи отрешены от общества разрывом всех семейных и родственных уз и естественным презрением, которому подвергаются в обществе, они удаляются от всех посторонних связей и составляют из себя род тайного союза, в коем обязываются помогать друг другу и защищаться взаимно от внешних неприятных столкновений, позволяя себе для того всякое средство: потому, во-первых, говорят они, что Спаситель не станет судить их с язычниками, кои все должны погибнуть; а во-вторых, по убеждению, что грешить надо непременно для того, чтобы было о чем молиться:

это последнее подтверждается замечательной поговоркой, коею руководствуется большая часть раскольников и в особенности скопцы: «не согрешивши, не отмолишь» [3, С. 72-73].

Думается, не случайно В.И. Даль и А.С. Пушкин объединяют масонов, скопцов, старообрядцев и бунтовщиков С. Разина и Е. Пугачёва. Им, жившим в XIX в., лучше было видно врагов России и кто ими руководил из-за границы. А.С. Пушкин в своём произведении «История Пугачёвского бунта» писал о том, что раскольник Е. Пугачёв вешал православных священнослужителей [7, С. 237]. По мнению В. Даля, «... губительные толки, <...>, воспламенявшие народ разными обольщениями страдать за Бога, принимать добровольно венец мученичества чрез самоубийство или самоизуродование в разных видах. Таковы: степановщина, морельщики, самосожигатели, детогубцы, сократильщики, тюкальщики, спасовщина и, наконец, скопцы. Некоторые из сих сект в настоящее время уже исчезли; другие продолжают свое существование, и считают в недрах своих большое число последователей» [3, С. 74]. Уже по названиям можно судить о сущности перечисленных сект, практикующихся на самоубийствах, убийствах детей или членовредительствах.

Скопцы не просто проповедовали веру, они калечили крестьян. После кастрации мужчины быстро набирали лишний вес, уже не могли продуктивно работать, создавать семьи. Высокопоставленные лица державы были обеспокоены тем, что люди отказываются от традиционных ценностей: рождения детей, супружеских отношений. Если православная религия призывала быть верными императору как помазаннику Бога на земле, то «убелённые» открыто отвергали этот догмат.

Опасность скопцов состояла и в том, что они аккумулировали в своих руках большие средства. Не имея биологических наследников по понятным причинам, скопцы:

- быстро богатели;
- передавали друг другу накопленный капитал по наследству;
- призывали не повиноваться, не соблюдать законы, убежать от правосудия;
- ритуалы приводили к высокой смертности [3].

В результате анализа жизни и творчества двух гениев можно сделать следующий вывод: А.С. Пушкин и В.И. Даль проповедовали православие и призывали жить по настоящим христианским канонам. Православная церковь всегда их защищала и поддерживала.

Библиографический список

1. Грачев М.А. «Несносно честный Даль». — Нижний Новгород: Издательство «Книга», 2013. — 228 с.

2. Грачев М.А. Религиозные экстремистские секты в России в прошлом и настоящем: на примере сект скопцов и «Свидетелей Иеговы» // Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка: сборник научных работ по итогам Международной научно-практической конференции «Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка» (Москва, 1213 октября 2023 г.). — Москва: ООО «СОЮЗКНИГА», 2023. — С.76-85.

3. Даль В.И. Исследование о скопческой ереси: с приложением электронного издания, содержащего сочинения и собрание текстов величайшего русского лексикографа XIX века / В.И. Даль. — Ногинск: Российский Остеон-фонд, 2006. — 159 с.

4. Кравец Л.С. В.И. Даль и А.С. Пушкин на перекрёстке творческих идей и судеб // В.И. Даль в филологических миниатюрах: материалы VIII Региональной с

международным участием научно-практической конференции «В.И. Даль в современной филологии». — Вып. 7 / под редакцией д-ра филол. наук, проф. А.В. Петрова; Институт филологии Крым. федерал. ун-та им. В.И. Вернадского. — Симферополь: «ПОЛИПРИНТ», 2023. — 45-52 с.

5. Мельников П.И. Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале // Русский вестник. 1873. — Т. 104. — №3. Март. — С. 275-340.

6. Митрополит Филарет (Дроздов) «Не напрасно, не случайно» // «Звёздочка», Журнал для детей старшего возраста, ч. XXVII, с.16. — Т. 3 (кн. 2). — 935 с.

7. Пушкин А.С. История Пугачевского бунта: Ист. материалы / А.С. Пушкин; Изд., испр. и доп. под ред. П.А. Ефремова. — Санкт-Петербург: Я.А. Исаков, 1881. — 526, IV с., 1 л. карт.; 21.

8. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17-ти томах. — М.: Воскресенье, 1995

THE HELP OF THE ORTHODOX FAITH TO A.S. PUSHKIN AND V.I. DAHL AT CRUCIAL STAGES OF LIFE

M.A. Grachev

Doctor of Philology, Professor (Nizhny Novgorod)

Abstract: The article tells about the influence of Orthodoxy on the fate of A.S. Pushkin and V.I. Dahl. In the materials, the author draws attention to the help of faith for two creative geniuses and patriots, interprets the already established provisions about a number of works in his own way. He pays special attention to the specific help of the clergy in difficult days of life. Both A. Pushkin and V. Dahl went to Orthodoxy all their lives.

Keywords: Orthodoxy, patriot, Russia, autocracy, reform, monastery.

ЦЕННОСТНАЯ АНТИНОМИЯ «РУССКИЙ ЯЗЫК» — «НЕРУССКИЙ ЯЗЫК» В ПРОСТРАНСТВЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

(по данным медиадискурса Интернета)

Т.Б. Радбиль

доктор филологических наук, профессор (Нижний Новгород)

Аннотация: В работе представлены новые результаты продолжающего исследования по анализу языкового воплощения ценностей в русской языковой картине мира. В центре исследования находится неузальная антонимическая оппозиция «русский язык» — «нерусский язык», актуализованная в дискурсе современных отечественных интернет-СМИ. Материалом исследования выступают языковые данные газетных корпусов в составе Национального корпуса русского языка и собственного интернет-мониторинга автора. Показано, что русский язык в национальной культуре является одним из ключевых культурных концептов, в силу чего соответствующее выражение «русский язык» имеет существенный позитивно-оценочный потенциал. В свою очередь, неузальное выражение «нерусский язык», будучи маркером идеи отклонения от национальных ценностей и идеалов, является важным для этноса обозначением ценностно значимых смыслов негативного характера. Делается вывод, что рефлексия этноса над родным языком является неотъемлемой частью его ценностной картины мира. Русский язык для его носителей характеризуется как зримое и объективно данное, естественным образом существующее воплощение национального идеала, национальной идеи и, в конечном счете, национальной идентичности.

Ключевые слова: русский язык, нерусский язык, языковое выражение ценностей, оценочный потенциал, медиадискурс интернета.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00368, <https://rscf.ru/project/23-28-00368/>

В работе представлены новые результаты продолжающего исследования по анализу языкового воплощения ценностей в русской языковой картине мира [1]. В центре исследования находится неузальная антонимическая оппозиция «русский язык» — «нерусский язык», актуализованная в дискурсе современных отечественных интернет-СМИ. Исследование основано на методике анализа концептов культуры, принятой в Нижегородской концептологической школе [2], методе когнитивно-дискурсивного анализа корпусных данных [3] и процедуре логико-лингвистической интерпретации неузальных явлений девиантного типа [4]. Материалом исследования выступают языковые данные газетных корпусов в составе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и собственного интернет-мониторинга автора (ИМ).

Отношение народа к собственному языку всегда было, есть и будет основой национальной идентичности этноса. Ведь, по сути, язык — это не просто средство коммуникации. Это то, что объединяет нас всех, независимо от образования,

конфессиональной принадлежности, профессии, возраста, пола и так далее. Выражение «русский язык» является не просто расчлененной номинацией для обозначения коммуникативной системы этноса, наряду с английским, румынским и другими. Русский язык в национальной культуре — это один из базовых, ключевых культурных концептов. И в этом плане он имеет существенный позитивно-оценочный потенциал.

О значительном месте русского языка в системе ценностей этноса свидетельствуют произвольно выбранные пословицы о русском языке: «**Русский язык** с Богом беседует»; «**Русский язык** горами качает»; «Кто **русским языком** владеет, тот большую силу имеет»; «Без **русского языка** не сколотишь и сапога»; «Без **русского языка** не одолеешь самого опасного врага»; «**Русский язык** — сила слабого!» [5].

В разрабатываемой нами концепции исчисления «языка ценностей» объективно существующая оценочность той или иной единицы определяется по ее представленности в так называемых репрезентативных контекстах [6]. В настоящем исследовании мы покажем, как в таковых контекстах реализованы две коррелирующие коллокации — «русский язык» и «нерусский язык» и схожие с ними по смыслу выражения.

Начнем с коллокации «русский язык». В первом своем значении это выражение является нейтральным внеоценочным обозначением языка, имеющего определенное место в генеалогической и типологической классификациях языков. В этом плане данное словосочетание находится в одном ряду с такими, как «английский, китайский, арабский язык» — и никакой оценочности не содержит. Однако в реальном употреблении выражение «русский язык» в производных значениях, будучи именем соответствующего культурного концепта, изменяет свое исходное значение, подвергаясь коннотативно-оценочным преобразованиям, вписываясь в нормы ценностей и ценностные приоритеты социума.

«Плюс» на своеобразной оценочной шкале, то есть положительную оценочность, выражает, например, фразеологизм «говорить (спрашивать) русским языком», который имеет значение «совершенно ясно, недвусмысленно, так, что должно быть понятно каждому» [7].

«— Я же вам **русским языком говорю**: к нему нельзя, у него обширный инфаркт, ему только что сделали операцию!» [НКРЯ — Анатолий Мельник. Авторитет (2000)];

«— Я вам **русским языком говорю**: все отделенные, взводные и командиры шаг вперед!» [НКРЯ — В. Лихоносов. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж. Ч. 3-4 (1983)];

— Я тебя **русским языком спрашиваю** — ты знаешь что-нибудь про эту историю или нет [НКРЯ — Андрей Геласимов. Год обмана (2003)].

Сказанное выше подтверждают и наблюдения Е.М. Березович: «В сфере оценки интеллектуальной деятельности русское = **понятное**: разг. «русским языком говорить — ясно, недвусмысленно, так, что должно быть понятно каждому», «русским счетом — толком, понятным счетом» [Даль 4: 114], нвсиб. «нёрусь — о бестолковом человеке»: «Неруь говорим, когда ругаемся, у-у, неруь, ничто не понимаешь» [СРНГ 21: 147], «человек, плохо разбирающийся в чем-л.» [ССРГ: 331]» [8, С. 17].

Нетрудно видеть, что в таких употреблениях выражения-репрезентанты концепта «русский язык» вписываются в древнейшую универсальную культурную оппозицию «свое — чужое», согласно которой все, что свое, своего круга, по умолчанию, автоматически оценивается как положительное. «свое» — значит, изначально нечто хорошее, правильное, красивое, доброе, полезное, целесообразное и так далее. А чужое — наоборот. Поэтому, например, немцы — это не

те, кто вообще не говорит, то есть немые. Это те, кто говорит на чужом языке. В концептуальном плане для наивной модели мира этноса, как она трактуется, например, в работах Ю.Д. Апресяна [9], чужой язык — это вообще не язык, а набор бессмысленных звуков.

Отсюда главный смысл коллокации «русский язык — это простой, ясный, понятный, доступный для понимания». Это значение приобретает в речи позитивную оценочность в качестве явления, рассматриваемого русским народом как положительное.

Не случайно, как мы видим из приведенных примеров, в реальной коммуникации идиома «говорить (спрашивать) русским языком» выступает маркером потенциально конфликтной коммуникации, когда говорящий выражает некое недовольство по поводу того, что собеседник не понимает простых вещей:

«“Чья это девочка? Я же тебя **русским языком спросила**”. А Татьяна смотрит на меня и говорит: “Это Димина дочь”» [НКРЯ — Андрей Геласимов. Чужая бабушка (2001)];

«— Ну, вытри нос, тебе ведь **русским языком говорят**» [НКРЯ — Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)];

«— Вам же ясно **сказали, русским языком**: проходите, пожалуйста, Иммануил Абрамович у себя в кабинете, прямо вас и ждёт» [НКРЯ — Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001].

На наш взгляд, подобные словоупотребления выражают очень важную ценностную доминанту русского мира — это связанное с русским языком представление об образце, идеале. Например, по этому поводу есть комментарий Е.М. Березович: «Усиление градуса оценки ведет к трактовке русского как **настоящего**» (вгл. русский ‘«настоящий»’ [СРНГ 35: 272], ср. разг. нерусский ‘неправильный, непривычный, не такой, как все’ [ССРГ: 330]), **лучшего, наиболее ценного**, ср. костр. русский гриб ‘белый гриб’ [ЛКТЭ])» [8, С. 17].

Таким образом, русский язык — это образцовый, идеальный язык, единственно достойный, оптимально подходящий для коммуникации. Отсюда возникает идея о том, что русский язык может быть правильным и неправильным. Это как раз и является объективным языковым свидетельством вписанности русского языка в систему ценностей — в речи людей русский язык может оцениваться как настоящий, чистый, хороший:

«Говорил Юрий Александрович **настоящим русским языком**, был несмотря на возраст сухим, очень аккуратным, подтянутым, так я себе представлял старых капитанов — седые, коротко подстриженные волосы, угольно черные брови и синие глаза» [НКРЯ — Михаил Тарковский. Жизнь и книга // «Октябрь», 2002];

«И тогда вам откроются удивительные богатства русского языка — его гибкость, сочность, объемность... Это и есть **настоящий русский язык!** На таком языке сейчас, к сожалению, говорят и пишут всё реже и реже...» [НКРЯ — Страна далекого детства // «Трамвай», 1991];

«Теперь я замечаю, что, когда разговор заходит о чем-то действительно важном, я вдруг перестаю плести вульгарные лингвистические узоры и перехожу к нормальному, **хорошему русскому языку**» [НКРЯ — Алексей Григорович. Пыльная буря // «Волга», 2012];

«— Виктор Александрович, я вам только что объяснял все подробно и на **хорошем русском языке**» [НКРЯ — Александра Маринина. Светлый лик смерти (1996)],

Иными словами, возникает ценностная градация. Представление об образцовости русского языка, о том, что он есть мерило подлинной ценности, отражено и в коллокациях типа «говорить / писать по-русски», которые в своих не прямых,

производных значениях обозначают — говорить и писать на хорошем, правильном русском языке, а не просто констатируют факт русскоязычности:

«Наша причудливая жизнь с проверками паспортов, террористами, «обезьянниками», добрыми соседями, замороженными подростками при пьяных мамах — вот повод для пьесы без прикрас, в которой **говорят просто и по-русски**» [НКРЯ — Лейла Гучмазова. Драматические поиски реальности // «Русский репортер», № 18 (18), 4-11 октября 2007];

«**Говорили они очень по-русски — не в смысле языка**, с языком у них как раз были проблемы: он начинал уже в каких-то мелочах забываться, **а в смысле манеры**» [НКРЯ — Алексей Варламов. Ночь славянских фильмов // «Новый Мир», 1999].

Здесь «по-русски» является качественным наречием, что отражает и его словарное толкование: «Как свойственно русским, как характерно для них или для Руси, России» [7]. Оно тем самым приобретает возможность сочетаться с наречиями степени качества — например, «очень». При этом в соответствии с негласными конвенциями русского мира ценностей на неправильном русском языке, отклоняющемся в той или иной степени от нормы, в представлении говорящего, говорить нельзя, недопустимо. Об этом свидетельствуют контексты отрицания — «не по-русски»:

«Она глядела на него с каким-то веселым и смешливым ужасом: вы голодны (да, именно так, **не по-русски** чуть-чуть, “голодны”!)» [НКРЯ — Майя Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012];

«Закон о русском языке **написан не по-русски**. Сегодня Совет Федерации должен отклонить закон «О государственном языке РФ», принятый Госдумой скоропалительно и потому изобилующий огрехами и даже нормами, которые не соответствуют Конституции России» [НКРЯ — Константин Катанян. Закон о русском языке написан не по-русски // «Время МН», 2003.05.26];

«А еще — бесконечные таблицы и проекты, где все написанное словами **звучит** как-то безграмотно и **не по-русски**, а цифры непонятны и скучны» [НКРЯ — Андрей Дмитриев. Штиль (1983)].

Иначе говоря, для носителей русского языка «говорить / писать не по-русски» — значит говорить / писать **как раз «по-русски»**, но — с ошибками, с речевыми нечестностями, неправильно.

Последнее положение напрямую выводит нас на второго «героя» нашего исследования — неузуальное выражение «нерусский язык». С точки зрения логического анализа естественного языка, в отличие от своего коррелята «русский язык», «нерусский язык» является в общем пустой дескрипцией, то есть не обозначает какой-либо конкретной реалии объективного мира. Ведь только в мысли, но не в реальности возможно отрицание положительных предметов или свойств — «не дверь, а окно»; «не квадратный, а круглый». Язык в этих случаях реагирует точно — раздельным написанием «не». Не случайно только такое написание возможно для других прилагательных, обозначающих национальную принадлежность — «не английский», «не китайский» и подобные.

В случае же с «нерусским» мы наблюдаем двоякую орфографическую передачу — и с возможностью слитного написания. С семантической точки зрения, интерпретация такой пустой дескрипции (или нереферентного выражения), как «нерусский язык», возможна только как идиоматическая, небуквальная, в режиме косвенного речевого акта [10]. Так, в теории и практике преподавания РКИ сложился термин «родной нерусский язык», как вариант — «родной (нерусский) язык», которым принято обозначать родной язык народов Российской Федерации. Оставим в стороне явную неполицорректность этого терминологического

(ведь для народов РФ их родной язык в такой же степени, как не русским, является и не английским, и не французским и далее по списку). В целях нашего исследования важно, что в реальной речевой практике носителей русского языка в этом значении коллокация «нерусский язык» не употребляется.

В живой русской речи мы видим чаще всего иные типы употребления, связанные с явлениями переходности в области лексико-грамматических разрядов прилагательных. «Нерусский» в слитном написании с «не» с грамматической точки зрения отражает переход относительного прилагательного в качественное. Причем в производном слове нерусский «качественность» усиливается возможностью сочетания с наречиями степени качества: «совсем нерусский», «слегка нерусский» и так далее, а также окказиональным образованием превосходной степени «самый нерусский: Бальмонт, **самый нерусский** из поэтов, чужестранный переводчик... иностранное представительство от несуществующей фонетической державы...» [НКРЯ — И. Г. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Книга 2 (1960-1965)].

В нашей концепции подобные переходные явления в семантике и грамматике неминуемо ведут к оценочному приращению смысла выражения. Иными словами, «нерусский язык» — это то, что в реальности не существует, но при этом является важным для этноса обозначением ценностно значимых смыслов негативного характера, то есть тоже культурным концептом. Это всегда метаязыковая рефлексия говорящего над фактами употребления своего или чужого языка, но не отображение самих фактов.

Итак, мы выявили два типа негативно-оценочных употреблений этой коллокации: **(1) нерусский язык = чужой язык; (2) нерусский язык = русский язык.**

Первый тип связан с обобщенным использованием выражения «нерусский язык» для обозначения любого иностранного языка, непонятого говорящему, и часто поэтому неприятного ему: «При первом включении телевизора ошибочно ввел **нерусский язык**» [ИМ — <https://mcgrp.ru/question/24686/>].

По сути, здесь «нерусский» употребляется в значении «любой, неважно какой, но чужой, непонятный». Очень часто такое употребление имеет общеоценочную инференцию [11] — «и это плохо, с позиции говорящего»:

«— А меня достало, что они часто в кабину своих подсаживают и лопочут с ними на **нерусском языке**» [НКРЯ — «Иметь права по степям ездить...» // Новая газета, 2016.08.26];

«Стояла рядом белая «Волга» с открытыми дверцами, откуда матерились с акцентом, кричали по-русски и по-нерусски, и **нерусский язык** не оставлял простора для гласных» [НКРЯ — Владимир Березин. Свидетель // «Знамя», 1998].

Качественный характер прилагательного «нерусский» в этих контекстах подтверждается возможностью сочетания с наречием степени качества: «На одной кровати полулежал крупный лохматый бородатый брюнет и держал в руках глянцевого журнала на **очень нерусском языке**» [НКРЯ — Татьяна Соломатина. Акушер-ХА! Байки (2009)].

Причем это не нейтральная номинация для обозначения самого факта использования кем-то чужого языка. Это именно эмоционально-оценочная реакция на его звучание или письменную передачу в ситуации, о чем свидетельствуют эпитеты:

«Лихие, кривые, кричались слова — **отчаянный нерусский язык!**» [НКРЯ — Нина Садур. Сад (1994)];

«Когда на столе стоит ряд бутылок, на этикетках которых **простым нерусским языком** указано, что именно налито, гости еще как-то могут контролировать потребление алкоголесодержащих жидкостей» [НКРЯ — Константин

БЛАГОДАРОВ. Сегодня Покров покроем землю снежком, невесту — жениш-ком // Комсомольская правда, 2002.10.14].

Эмоционально-оценочный фон подобных употреблений усиливается, когда они включаются в модели «языковой игры», например, в преобразованные в целях иронического обыгрывания «прецедентные тексты»:

«Велик и могуч **нерусский язык!**» [ИМ — <https://mikle1.livejournal.com/11471774.html>];

«Елена Гоголь: Великий могучий нерусский язык» [ИМ — <https://www.planet-kob.ru/video/7275/velikii-moguchii-nerusskii-yazyk/>].

Отметим, что обычно эти контексты относятся к описанию тех или иных ситуаций, связанных с родственными русскому языку языками — украинским или белорусским.

С коммуникативно-прагматической точки зрения большинство подобных явлений можно трактовать как прием «языковой демагогии» — использование манипулятивной риторической стратегии *de re* вместо кооперативной *de dicto*. Напомним, что при стратегии *de re* говорящий по тем или иным причинам переформулирует чужую позицию в соответствии со своими воззрениями и посылками, вместо передачи ее, так сказать, в объективном ключе [10]: «Ткачук мне что-то сказал на **своем нерусском языке**» [НКРЯ — Чесноков Д. Удар в спину. В матче с «Блюзменами» серьезную травму получил форвард «Вашингтона» Александр Семин // Советский спорт, 2008.12.20].

Трудно представить, что с точки зрения американского хоккеиста Ткачука свой, родной язык может быть обозначен как «нерусский» (в рамках соблюдения принципа кооперации — стратегии *de dicto* — следовало бы сказать что-то типа «на своем английском языке»).

Но наиболее интересен, согласно концепции нашего исследования, второй класс употреблений коллокации «нерусский язык», когда она обозначает именно «русский язык». Например, распространенный в сети интернет заголовок для разного рода аналитических статей или информационных сообщений: «**Нерусский русский язык**» [ИМ — <https://4s-info.ru/2019/10/16/>].

Речь идет о случаях косвенного, небуквального употребления этого выражения для обозначения случаев использования русского языка, нарушающих норму говорящего, то есть о неправильном в каком-то отношении русском языке. Иногда возможно употребление коллокации «нерусский язык» для обозначения сферы сленговых заимствованных слов, которые, строго говоря, являются уже фактами русского языка: «**Словарь нерусского языка**». «<...> Вот и решила я начать составление «Словаря нерусских слов» [ИМ — <https://ruka-delka.by/blog/pages/>].

Но чаще всего мы имеем дело с чисто оценочным употреблением коллокации «нерусский язык», когда говорящий фиксирует некое отклонение от идеала и выражает к нему свое негативное отношение. В примерах ниже нами специально приводятся расширенные контексты, чтоб можно было это увидеть:

Нерусский язык. «Вы когда-нибудь замечали, как много вокруг людей, не знающих собственного языка? Людей, путающихся в правилах, людей, ставящих запятые куда попало, мол, и так сойдет?» [ИМ — <http://вечерниймагадан.рф/news/post/>];

Нерусский язык. «<...> Многие эксперты утверждают, что тот русский язык, который Тургенев называл великим и могучим, умер. Почему ошибок вокруг становится все больше, а внимания правильности языка уделяется все меньше? Можно ли остановить этот процесс?» [ИМ — <https://www.vesti.ru/>].

Острая негативно-оценочная реакция на факты разнообразных искажений правильного, по мнению говорящего, русского языка может быть эксплицирована соответственными эмоционально-экспрессивными эпитетами, как в

следующем заголовке: **БЕСПОЩАДНЫЙ НЕРУССКИЙ ЯЗЫК УРАЛЬСКИХ РЕКЛАМЩИКОВ** [ИМ — <http://art-trainer.ru/publ/6-1-0-36>].

В заключение отметим: наш материал еще раз свидетельствует о том, что рефлексия этноса над родным языком является неотъемлемой частью его ценностной картины мира. Русский язык для его носителей — это нечто большее, чем просто язык. Это зримое и объективно данное, естественным образом существующее воплощение национального идеала, национальной идеи и, в конечном счете, национальной идентичности.

Библиографический список

1. Радбиль Т.Б. Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах/ Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, М.Л. Ковшова. — М.: Гнозис, 2019. — С. 23-35.
2. Радбиль Т.Б., Сайгин В.В. Особенности парадигматической и синтагматической реализации концептуального поля «грех» в современном русском языке [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — №5. Режим доступа: www.science-education.ru/119-15195 (дата обращения: 27.10.2023).
3. Радбиль Т.Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т.7. — №4. — С. 759-774. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774.
4. Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Дисс. ... докт. филол. наук / Московский педагогический государственный университет. — М.: 2006. — 495 с.
5. Даль В.И. Пословицы русского народа. — М.: Изд-во Эксмо-Пресс, изд-во ННН, 2000. — 616 с.
6. Радбиль Т.Б. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2011. — №6. — Ч. 2. — С. 569-573.
7. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. II. — М.: Русский язык, 2000. — 1088 с.
8. Березович Е.Л. Деривационная семантика русского в русских народных говорах // Русский язык в научном освещении. — 2011. — №2 (22). — С. 5-32.
9. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика: Сб. науч. статей. Вып. 28. — М., 1986. — С. 5-33.
10. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). — М.: Языки русской культуры, 1997. — 574 с.
11. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. — Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. — 235 с.

VALUE ANTINOMY “RUSSIAN LANGUAGE” — “NON-RUSSIAN LANGUAGE” IN THE SPACE OF NATIONAL CULTURE (ACCORDING TO INTERNET MEDIA DISCOURSE DATA)

T.B. Radbil

Doctor of Philology, Professor (Nizhny Novgorod)

Abstract: The paper presents new results of ongoing research on the analysis of the language embodiment of values in the Russian language picture of the world. The object of the study is the non-usual antonymic opposition “Russian language”

— “non-Russian language”, actualized in the discourse of modern domestic internet media. The research material is the language data of newspaper corpora as part of the Russian National Corpus and the author’s own Internet monitoring. It is shown that the Russian language in the national culture is one of the key cultural concepts, due to which the corresponding expression “Russian language” has significant positive evaluative potential. In turn, the non-usual expression “non-Russian language”, being a marker of the idea of deviation from national values and ideals, is an important designation for the ethnic group of value-significant meanings of a negative nature. It is concluded that the reflection of an ethnos on its native language is an integral part of its value picture of the world. The Russian language for its speakers is characterized as a visible and objectively given, naturally existing embodiment of the national ideal, national idea and, ultimately, national identity.

Keywords: Russian language, non-Russian language, language expression of values, evaluative potential, Internet media discourse

Acknowledgements: The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number № 23-28-00368, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00368/>

ДУХОВНОСТЬ КАК КОНСТАНТА РУССКОГО МИРА

Н.В. Макшанцева

доктор педагогических наук, профессор (Нижний Новгород)

«Русский мир — это, прежде всего, общность святынь».

Святейший Патриарх
Московский и всея Руси Кирилл

Аннотация: статья посвящена одной из важнейших констант Русского мира. Этимология связывает «духовность» с Духом, христианством. В религиозном понимании «духовность» — это идеал, святыня. По убеждению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла, «Русский мир — это, прежде всего, общность святынь». Изначально христианская духовность была неотделима от нравственности. Отмечается индивидуальный вектор «духовности». Духовно-нравственное становление личности выступает как онтологическая основа воспитания. Прослеживается интерпретация ключевого слова «духовность» в толковых словарях с учетом его семантической и функциональной характеристики. Представлено концептуальное поле «духовность» (соборность, вера, милосердие и так далее). Все концепты являются ценностными по своему содержанию, составляя фундамент русской аксиологии. Утверждается, что светское понимание духовности вырастает из религиозного. Звучит призыв о сохранении и укреплении традиционных духовно-нравственных ценностей Русского мира.

Ключевые слова: духовность, нравственность, Русский мир, соборность, вера, милосердие, аксиология.

Актуальность обращения к феномену «духовность» не вызывает сомнения, поскольку в нем отражены ценностные ориентиры и культурные смыслы, значимые для Русского мира.

Духовная жизнь включает в себя все грани жизни человека. Многогранность «духовности» можно представить следующим образом:

- форма самоидентификации;
- направление деятельности человека;
- менталитет;
- отношение человека к миру, к себе, людям, обществу;
- освоение социального опыта и другое.

Этимология связывает духовность с «Духом», христианством. Действительно, первая интерпретация духовности как социокультурного феномена связана в отечественной традиции с религиозно-христианским началом [1, С. 24]. Дух есть Бог. Бог внутри нас, он и есть дух. Известна троичность воплощения Бога в Отце, Сыне и святом Духе. Не случайно проблема духовности была близка представителям русской религиозной философии: В. Соловьеву, Н. Бердяеву, И. Ильину. Христианское представление о духовности — это и единение человека и Бога, общение человека с Богом на основе «синергии» духа Божия и духа человеческого.

Вторая интерпретация, по мнению многих исследователей, является, по сути, светской. И здесь можно отметить две версии. Одна из них связывает понимание феномена духовности с проявлением внутренней свободы личности, воплощающей высшие идеалы добра, красоты, истины и веры. Другая версия может быть сведена к внутреннему миру человека, его рефлексии по поводу своих и чужих действий, другими словами — к миру субъективности. Человек осуществляет внутри себя работу духа, мысли, чувств, переживаний: «дух и только дух есть бытие в себе и для себя» (Гуссерль). Духовность — явление, предполагающее некую внутреннюю энергетiku. Она может быть направлена и внутрь человека и вовне.

Представляется, что деление духовности на религиозную и светскую достаточно условно и вряд ли оправдано. Прежде чем прийти к определенному утверждению, попытаемся пунктирно отразить воплощение ключевого слова «духовность» в русской культуре. Начнем с его представленности в словарях.

Слово «духовность» отсутствует в «Словаре Академии российской» (1790). В «Словаре русского языка XVIII в.» [2] оно фиксируется в двух значениях:

- «занятия, сфера деятельности духовенства»;
- «свойства духовного».

В «Словаре церковно-славянского языка» слово «духовность» отсутствует. В словаре Вл. Даля есть словарная статья, посвященная существительному «дух» и прилагательному «духовный». Акцент в семантике имени делает компонент, сформированный великим лексикографом: «все относящееся к Богу, церкви, вере» [3, Т. 1]. В Словаре Ф. Брокгауза и И. Ефрона словарной статьи, посвященной «духовности», так же нет.

В словаре Ушакова «духовность» имеет помету «книжное», «устаревшее» и понимается как отрешенность от низменных, грубо чувственных интересов, стремление к внутреннему совершенствованию, высоте духа [4, Т. 1, С. 815].

В словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой (МАС) «духовность» трактуется как устаревшее понятие, как духовная, интеллектуальная природа, сущность человека, противопоставляемая его физической, телесной сущности [5, С. 455]. В словарь С.И. Ожегова слово «духовность» не включено.

Если учитывать время составления словарей (1940–1980 гг.), слово «духовность», как свидетельствуют тексты национального корпуса русского языка, употребляется редко. Интересно отметить, что в английской публицистике духовность употребляется как калька — «*dukhovnost*», что говорит об уникальности и этноспецифике слова, которое относится к лакунарной, безэквивалентной лексике. Наиболее частотным сочетанием в конструкции с прилагательным является «духовный» — нравственный, с существительным «духовность» — нравственность.

«Духовность» в БАС (в 17-ти томах) трактуется как «духовная интеллектуальная природа, сущность человека, противопоставляемая его физической, телесной сущности; богатство духовного мира человека, высший уровень нравственных, интеллектуальных потребностей, норм» [6, С. 531]. Слово квалифицируется как общеупотребительное и нейтральное.

В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой слово «духовность» понимается как «свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными» [7, С. 179]. В словаре под редакцией С.А. Кузнецова духовность определяется как «духовная интеллектуальная природа, внутренняя нравственная сущность человека (противопоставляема его физической, телесной сущности)» [8, С. 289].

В «Толковом словаре современного русского языка» под редакцией Г.Н. Складчиковской «духовность» представлена как неоднозначное слово:

- сфера религиозных интересов человека;
- в советское время: внутренний мир человека в противоположность физическому, телесному [9, С. 222].

Соответственно, прилагательное «духовный» тоже имеет два значения:

- связанный с религиозной жизнью человека, относящийся к Богу, вере, церкви;

- в советское время: связанный с идеологией.

Анализ интерпретации слова «духовность» в словарях позволяет отметить изменение его семантической и функциональной характеристики от признания устаревшим для советской действительности и до восприятия всеупотребительным, нейтральным. В ряде словарей отсутствуют словарные статьи, посвященные «духовности». И лишь один словарь разделяет религиозный и светский компоненты. Однако следует заметить, что и религиозный, и светский аспект понимания имеют общее «мощное основание» (Е. Петрухина) — гуманистическое, нравственное, аксиологическое. Кроме того, религиозная составляющая духовности исторически сложилась раньше, чем светская. Светская интерпретация основана на православной аксиологии, формирующей духовный код нации.

В религиозном понимании «духовность» — это идеал, святыня. По убеждению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, «Русский мир — это, прежде всего, общность святынь». С.Л. Франк в работе «Духовные основы общества» пишет, что «общество начинается и поддерживается общими святынями, единым алтарем, общими традициями». Что для нас свято? Что для нас традиция? Это, прежде всего, передача от поколения к поколению духовного и культурного опыта. Разрыв традиции — всегда трагедия. Так было в XX веке, когда православные традиции пытались отвергнуть.

Безусловно, важен индивидуальный вектор духовности, то есть духовность в отношении личности. Духовность связана с выбором личностью своего поведения, своей судьбы. Поскольку личность — духовно-этический идеал, она, по выражению В.В. Колесова, «должна быть прилична» [10, С. 85]. Духовность связана с выбором личностью своего собственного образа. Не потому ли внутренний поиск себя начинается с исповеди? В исповеди человек смотрит на себя со стороны. Исповедь, по М.М. Бахтину — «высшая форма свободного самораскрытия человека изнутри», встречи «я» и «другого» на высшем уровне.

Духовно-нравственное становление личности в традиции выступает как онтологическая основа воспитания, а само воспитание — как создание условий для духовно-нравственного становления. В процессе духовно-нравственного становления личность индивидуализируется, приобретает особенные, ей одной свойственные черты, и вместе с тем вбирает в себя вселенскую полноту, хранимую в традиции, в этом двуедином процессе обретая неотъемлемое свойство личности — уникальность, проявляемую в творческом личностном бытии. <...> Православное воспитание направлено на создание условий, способствующих рождению духовной жизни и ее развитию. Духовная жизнь реализуется как личностное бытие в традиции. Творчество и одаренность образуют качественную определенность личностного бытия. Таким образом, содержание православной традиции воспитания ориентировано на развитие личностного начала в человеке и укоренение его в духовной и нравственной жизни» [11, С. 16-51].

Изначально христианская духовность была неотделима от нравственности, неразрывно связана с ценностными установками, восходящими к евангельскому идеалу. Поэтому нередко прилагательное «духовный» трактуется как

«относящийся к нравственности». Духовность неразрывно связана с православной аксиологией, ибо «Русская православная церковь на протяжении более чем тысячелетней истории своего существования неизменно оставалась хранительницей высочайших духовно-культурных ценностей, исповедницей фундаментальных этических принципов человеческого бытия, на основе чего только может совершаться процесс воспитания разносторонней, внутренне содержательной и нравственно-зрелой личности» [12].

Как было отмечено ранее, духовность берет начало в православии. Не случайно, концептуальное поле «Духовность» представлено культурно маркированной лексикой религиозного, этического, аксиологического содержания: благодать, благодать, дух, душа, вера, любовь, совесть, соборность, честность, патриотизм.

Ключевая идея русской культуры — соборность. Соборность как базовая категория русского сознания — это объединенность, добровольное (свободное) соединение людей на основе любви к Богу и друг к другу. Соборность трактуется как «совокупность религиозно-философских взглядов, идей <...>, направленных на единение людей на основе православия и традиционной народной нравственности» [13].

Отметим, что становление соборности обусловлено своеобразием этнических процессов (Л.Н. Гумилев) и природными условиями, «свойствами страны», когда община становилась ответом на вызов природы. Исторические особенности развития Руси также связаны с соборностью. Для сохранения национальной независимости требовалось не только «собрание» материальных и политических сил, но нужны были «добровольно соединившиеся» духовные силы [14, С. 56].

Дух соборности отмечали писатели и поэты, говорившие о картине народных бедствий, например, Л.Н. Толстой: «Всем миром навалиться хотят» («Война и мир»), К. Симонов: «Как будто за каждой российской околицей, || Крестом своих рук ограждая живых, || Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся |...» («Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...»).

Соборное начало во многом определяет особый подтекст великих произведений русской словесности различных исторических эпох и различных литературных направлений: «Слова о полку Игореве», «Капитанской дочке», «Войны и мира», «Братьев Карамазовых» и так далее. Причем влияние соборности проявляется и в художественном мышлении, оказывая влияние на структуру произведений. Так, М.М. Бахтин, определяя роман Ф.М. Достоевского как полифонический, утверждал, что причина формирования художественной структуры полифонического романа заключается именно в сознании соборности писателя.

Идею соборности несет храмовая архитектура. Начиная с XIV века, предметом особого внимания на Руси становится символ Троицы (Троицкий собор, икона Троицы). Сергей Радонежский строит храм, «видя в нем призыв к единству Земли Русской» [15, С. 110]. «Символизируя “единство в любви”, Троица выступает идеалом для Руси, стремящейся путем «собрания земель» достигнуть духовного единства и братской любви» [16, С. 16-19].

Икона, созданная Рублевым, «вражде и ненависти противопоставляет «взаимную любовь, струящуюся в вечном согласии, в вечной безмолвной беседе». И Троицкий собор, и рублевская икона выражают одну и ту же идею — «единство в любви». Расколотому миру они противопоставляют органическое «единство во множестве». Соборные начала становятся важнейшими ориентирами русского народа и продолжают оставаться такими на протяжении

многих веков. Православный свет «соборности» и сегодня озаряет духовную жизнь русского народа. Знаменательны слова митрополита Нижегородского и Арзамасского Георгия, который призвал «объединить народ на основе наших традиционных ценностей, дать людям мировоззренческое начало, из которого может сформироваться гармоничный «соборный» характер общественных отношений».

Или — духовный концепт «вера». Вера — признание существования Бога, высшего разума, управляющего миром. В «Философском словаре» сказано: «Теология признает религиозную веру неотъемлемым свойством человеческой души или благодатью, даруемой богом».

Вера — безусловное признание истин, открытых Богом; твердая надежда; упование, ожидание; убежденность; вероучение; вероисповедание. Среди ассоциаций, возникающих в связи с концептом «вера», на первом месте — Бог, надеяться [17, С. 37].

В течение многих столетий значимым фактором русской культуры была православная вера, определявшая нравственность. Судили о вере по аккуратным посещениям церкви, по соблюдению обрядов, но особенно — по выполнению основных заповедей. «Живет по-божески», «живет по-христиански» — говорили о тех, кто был совестлив и милосерден.

Вера поддерживала в русском человеке чувство ответственности за других и чувство ответственности перед Богом, твердую уверенность, что в жизни есть направление, смысл. Верующий человек способен бороться с экзистенциальным одиночеством. Вера — важнейшая часть духовной жизни народа, что нашло подтверждение в пословицах и поговорках: «Вера спасает», «Вера и горю с места сдвинет», «Менять веру — менять и совесть», «Без добрых дел вера мертва перед Богом». Об этом размышляли крупнейшие русские мыслители. По мысли И.А. Ильина, важно не только то, во что веришь, но и еще то, чем, то есть какими силами души осуществляется вера. Русский человек верит сердцем, «...в сердце помещается такая скрытая функция сознания, как совесть» [18, С. 58]. В этом видится характерная особенность русского национального сознания.

Губительным для русской культуры был насильственный атеизм, подчас направленный против основ народной ментальности. Дойдя до предела в искоренении религии, постсоветское общество начало возрождать ее. Маятник качнулся в обратную сторону. Стремление во всем дойти до предела способно проявляться как в разрушении, так и в созидательной работе. Однако в русском обществе никогда не прерывалась глубинная религиозная традиция, которую воплощали в себе старцы и старицы, священники и митрополиты, монахини и послушники. Нельзя сказать, что они действовали наперекор политической власти. Скорее они возражали силам более мощным и глобальным: материальным, эгоистическим стихиям товарного мира. Так и сегодня в православных храмах духовенство выступает против ценностей «культуры потребления», напоминая о ценностях нетленных: Вере, Надежде и Любви. Именно они защищают человека в хаотичном, неправедном мире от экзистенциального одиночества и тоски.

Православная вера оказала сильное воздействие на русскую культуру — литературу, живопись, музыку: на А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, И. Шмелева, И. Крамского, В. Васнецова, И. Репина, В. Сурикова, П.И. Чайковского, С. Рахманинова, Г. Свиридова и многих других.

Концепт любовь в религиозном понимании — одна из христианских добродетелей, любовь к Богу и ближнему. Это — основа основ христианской ценностной

системы: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею, и всем разумением твоим». Сия есть первая и наибольшая заповедь, вторая же, подобная ей — “возлюби ближнего своего как самого себя” [19].

Культурный концепт «милосердие» воплощается в русском языке лексемами «милость» и «милосердный». Последнее рассматривается как «божественная сущность».

Да сохранит Вас милосердный Бог
От всяких дрязг, волнений и тревог
И от бессонницы ночной.

Ф. Тютчев

В сознании носителей русского языка реалия «милосердие» представлена разветвленной семантикой. Это и сущностная характеристика человека (любовь), и личностные качества (доброта, милость, жалость, сострадание), и чувство (врожденное/приобретенное), и духовная ценность (нравственная/этическая). Даниил Гранин писал: «Изыть милосердие из сердца — значит лишить себя одного из важнейших проявлений нравственности». Созвучная мысль высказана Ю. Апресяном: «В милосердии человек призван осуществить нравственный идеал». Образец нравственного служения сегодня — сборник статей «Антология добрых дел», где представлены материалы конкурса «Волонтер преподобного Серафима Саровского», который проводится по трем направлениям: возрождение православных святынь и объектов историко-культурного наследия, помощь в проведении мероприятий духовно-нравственной направленности, социальное служение [20, 21].

Мы рассмотрели лишь некоторые культурные концепты лингвокультурологического поля «Духовность». Все они являются ценностными по своему содержанию, составляя фундамент русской аксиологии. Полагаем, что Россия (Русь) аксиологически определилась, приняв христианство. Духовно-нравственные концепты сформировались под влиянием православной традиции. Они осмыслены в трудах философов русского «духовного Ренессанса» — Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, И.А. Ильина, П.А. Флоренского и других. Православие создало великий народ, великий народ создал великий язык и великую литературу. Базовые ценности воплощены в лучших произведениях русской словесности. Национальное своеобразие русской литературы — в ее человечности и святости. Русская литература, как и культура, прежде всего — православная, а уже потом русская. Вся русская классика, по словам Николая Бердяева, связана с христианством: «Вся наша литература XIX века ранена христианской темой, вся она ищет спасения, вся она ищет избавления от зла, страдания, ужаса жизни для человеческой личности, народа, человечества...» [22]. В центре произведений русских писателей — духовные искания героев, их внутренний мир, высокий нравственный идеал, концептуальное осмысление ключевых категорий русского мира: соборность, милосердие, вера, долг, патриотизм, честь, спасение и другие.

Вечные ценности, которые воплощены в русском языке, мы рассматриваем как прямой путь к формированию духовности отдельного человека и нации в целом, как ее главный нравственный потенциал. Проблема формирования духовно-нравственного мира личности является в современной жизни как никогда значимой и актуальной, так как наметилась тенденция девальвации традиционных ценностей. Не случайно появился Указ Президента РФ «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (от 9 ноября 2022 г. №809). В документе отмечается, что все они заложены православием.

Представляется, что так называемое светское (секулярное) понятие «духовности» вырастает из религиозного. Мы склонны объединить оба варианта в одном концепте «духовность», поскольку одно вырастает из другого. Без первого не было бы второго, или было бы иным.

Писатель Ф. Абрамов говорил: «Судьба России — давать свет миру, человечеству. Главная статья ее экспорта — духовный хлеб, духовные ценности. ... она дает негасимый свет миру. В этом ее назначение».

Пусть свет духовности открывает людям великую тайну мира и заполняет пространство человеческой души одновременно. Главная задача — удержать и укрепить духовность в нашем русском обществе и в отдельном человеке. Сегодня, как утверждает митрополит Георгий, «есть множество возможностей духовно возрастать в вере Христовой. Вопрос только в том, кто сколько сможет взять из этой сокровищницы...» [23].

Библиографический список

1. Оганов А.А., Хангельдиева И.Г. Теория культуры. — М., 2001. — С. 24.
2. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю.С. Сорокин. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984—1991. — Вып. 1-6; СПб.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. / В.И. Даль. — М., 2020.
4. Толковый словарь русского языка: В 4 т. под редакцией Д.Н. Ушакова — М.: Сов. энцикл., ОГИЗ, 1935-1940.
5. МАС, 1981. — Т. 1. — С. 455.
6. БАС, 1991. — С. 531.
7. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. — М., 1995. — С. 179.
8. Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова. — С-Петербург, 1998. — С. 289.
9. Толковый словарь русского языка конца XX в. (языковые изменения) под ред. Г.Н. Складневской. — С-Петербург, 1998. — С. 222.
10. Колесов В.В. Душа и личность // Русская словесность. — 1994. — №3. — С. 85.
11. Игумен Георгий (Шестун) (Шестун Е.В.). Православные традиции духовно-нравственного становления личности: Автореф. дис. ... д-ра пед.наук. — Казань, 2006.
12. Приветствие Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла участникам XVIII Международных Рождественских чтений. — М., 2010.
13. БТС РЯ, 1998.
14. В.О. Ключевский. Сочинения в 9-ти томах: Т.3. — М., 1988. — С. 56.
15. П.А. Флоренский. Оправдание космоса. — СПб., 1989. — С. 110.
16. Б.И. Пуришев. Андрей Рублев и общие вопросы развития древнерусского искусства XIV-XVII веков. — М.-Л., 1941. — С. 16-19.
17. Ю.Н. Караулов. Русский ассоциативный словарь. — М., 1994. — С. 37.
18. Б.П. Вышеславцев. Значение сердца в религии // Журнал «Путь», Орган русской религиозной мысли. Кн. I. — 1992. — С. 58.
19. Мф. 22:37-40.
20. Антология добрых дел. Материалы конкурса «Волонтер Серафима Саровского — 2020» / Под общей редакцией канд. пед. наук О.Ю. Бараевой. — Нижний Новгород, 2021.

21. Антология добрых дел. Выпуск 2. Материалы конкурса «Волонтер Серафима Саровского — 2021» / Под общей редакцией канд. пед. наук О.Ю. Баравой. — Нижний Новгород, 2022.

22. Николай Бердяев. Типы религиозной мысли в России, 1994.

23. Ведомости нижегородской митрополии. — № 3 (249). — Февраль 2023 г.

SPIRITUALITY AS A CONSTANT OF THE RUSSIAN WORLD

N.V. Makshantseva

Doctor of Pedagogic, Professor (Nizhny Novgorod)

Abstract: the article is devoted to one of the most important constants of the Russian world. Etymology connects «spirituality» with the Spirit, Christianity. In the religious sense, «spirituality» is an ideal, a shrine. According to His Holiness Patriarch Kirill of Moscow and All Russia, «The Russian world is, first of all, the unity of shrines.» Initially, Christian spirituality was inseparable from morality. The individual vector of spirituality is noted. The spiritual and moral formation of a personality acts as the ontological basis of education. The interpretation of the keyword «spirituality» in explanatory dictionaries is traced, taking into account its semantic and functional characteristics. The conceptual field «spirituality» (conciliarity, faith, mercy, etc.) is presented. All concepts are valuable in their content, forming the foundation of Russian axiology. It is argued that the secular understanding of spirituality grows out of the religious one. There is a call for the preservation and strengthening of the traditional spiritual and moral values of the Russian world.

Keywords: spirituality, moral, the Russian world, conciliarity, faith, mercy, axiology.

МИССИЯ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ ПЕДАГОГА-ФИЛОЛОГА

Т.С. Сергеева

кандидат филологических наук (Нижний Новгород)

Аннотация: Статья посвящена определению роли церковнославянского языка в формировании личности педагога-филолога. Цель исследования — поиск эффективных форм включения церковнославянского языка в образовательный процесс. Констатируются исключительная значимость и особая роль церковнославянского языка в русской культуре, в том числе языке. В ходе исследования был проведен анализ возможностей системы профессионального образования для преодоления культурной разобщенности современного социума. Сделан вывод о том, что церковнославянский язык в силу своих функций и специфики происхождения обладает потенциалом в рамках дисциплин высшей школы как идиом, способный формировать мировоззрение. Результаты исследования позволяют сделать вывод о необходимости и действенности включения церковнославянского языка в практику преподавания при подготовке филологов как инструмента формирования духовно-нравственных ценностей.

Ключевые слова: церковнославянский язык, высшее образование, национальная идентичность, мировоззрение.

Церковнославянский язык — язык православного богослужения и письменности. Именно такое определение мы читаем в любом справочном или учебном пособии, будь то издание, предназначенное для студентов-гуманитариев или рассчитанное на широкий круг читателей. Однако было бы в корне неверным ограничивать его роль только сферой конфессионального взаимодействия людей. При таком узком понимании церковнославянский язык воспринимается как нечто оторванное от современности, а его функции в нашем обществе значительно преуменьшаются.

Исторически возникнув в конце X — начале XI вв. как результат живого взаимодействия старославянского и древнерусского (а затем и русского) языков, церковнославянский занял уникальное положение в русской культуре. Чем же оно определяется?

1) Он ближе и понятнее носителям современного русского языка, чем старославянский (иначе древнеболгарский, то есть генетически южнославянский). Отсутствие сложных шипящих, носовых гласных, слогаобразующих плавных, которое делает старославянский язык «иностранным» в глазах студентов, совершающих первые шаги в познании священных текстов, роднит церковнославянский и современный русский. Также работа с текстами, созданными в разное время, показывает, что студенты испытывают гораздо меньше трудностей при чтении и переводе, если видят заглавные буквы, маркирующие начало предложения, и привычные знаки препинания. При этом в текстах старославянских, напротив, немногочисленная пунктуация зачастую сбивает их с толку из-за своей полифункциональности и омонимичности русским знакам препинания.

2) Несмотря на сказанное выше, церковнославянский язык сохраняет ощутимую специфику. Лексика, фонетика, грамматика — все языковые уровни обнаруживают отличия от современного литературного языка. Это поддерживается в первую очередь тем, что функции церковнославянского с XVIII века ограничиваются церковно-религиозной сферой. И если чуть более столетий назад, в начале XX века, отличительной чертой дореволюционных учебников церковнославянского языка являлось то, что русский и церковнославянский рассматривались как два стиля (типа) единого русского литературного языка, то сейчас, в XXI веке, мы понимаем, что такой подход невозможен. Но это несомненное достоинство церковнославянского: специфика его воспринимается как атрибут языка сакрального, позволяет ему не стать повседневным.

3) Вобрав в себя элементы разных языков, в том числе богатства международных языков древней культуры — греческого и латинского, церковнославянский обогатил наш язык на всех его уровнях. Славянизмы фонетические, словообразовательные, конечно, лексические и даже грамматические органично вошли, вжились в языковую систему. В некоторых случаях они в итоге вытеснили исконный, древнерусский вариант или позволили переосмыслить его. Так, студенты часто бывают удивлены, когда узнают, что многие устойчивые выражения пришли из церковнославянского (даже такие «бытовые», как о соринке в чужом глазу), и, тем более, что суффиксы причастий настоящего времени тоже генетически являются церковнославянизмами.

4) Роль церковнославянского языка в русской литературе (и шире — в культуре) беспрецедентна. Очевидно, что роль эта не ограничивается внешним воздействием (появлением сюжетов, активно используемых всеми видами искусства, ростом стилистических возможностей русского языка, использованием славянизмов как средства выразительности и так далее) Церковнославянский во многом определяет мировоззрение носителя русского языка.

Интересным в этом отношении оказывается тот факт, что в конце 40-х — начале 50-х гг. XX в. при подготовке учителей русского языка и литературы в педагогических вузах практиковалось использование богослужебных текстов, сокращенных таким образом, чтобы не было ясно общее содержание. Например, имена собственные заменялись местоимениями (Иисус — «он» и так далее). То есть выдержки были подобраны так, чтобы оказать наименьшее идеологическое воздействие на студентов. Это представляется показательным: если бы советская власть не усматривала опасности в приобщении к церковнославянским текстам, то позволяла бы ознакомиться с ними в полном объеме.

5) Изводы церковнославянского языка используются не только в России, но и в Болгарии, Сербии, Черногории и целом ряде других государств. Таким образом, понятный в равной степени всем славянским народам, как и века назад, он становится основой для межнационального взаимодействия, объединяет части славянского православного мира, не давая им разобщиться в сложной современной политической ситуации.

Необходимым и целесообразным в свете сказанного представляется более широкое внедрение церковнославянского языка в практику вузовского преподавания (по сравнению с сегодняшней ситуацией). Обязательное его изучение и будущими филологами, и учителями-словесниками, а не только представителями духовенства позволило бы в дальнейшем инициировать изучение церковнославянского языка в школах (в рамках элективных курсов, занятий по родному русскому языку и так далее). Также продуктивным может быть цикл

занятий / курсы повышения квалификации по церковнославянскому языку для действующих преподавателей-словесников (школ, СПО).

Знание церковнославянского языка наделяет педагога широчайшим спектром возможностей, поднимает его на несравнимо более высокий уровень. Оно позволяет преподавателю-словеснику объяснить как закономерности, так и исключения в современной языковой системе.

Знание православных текстов, на материале которых происходит обучение церковнославянскому, формирует широкий культурный фон, необходимый для понимания русской литературы. Невозможно читать и правильно понять Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А. Блока, М.А. Булгакова и многих других авторов без того культурного фона, который дает нам церковнославянский.

Но, пожалуй, главная ценность церковнославянского языка — в создании сформированной социальной, гражданской позиции через приобщение к православным ценностям. Современный человек, у которого, строго говоря, есть все (и даже с избытком), особенно остро нуждается в нравственных ориентирах.

Таким образом, изучение именно церковнославянского языка оказывается наиболее продуктивным в подготовке педагогов-филологов, так как способствует освоению ими как предметных, так и методических компетенций. Оно преследует две цели, пожалуй, не совместимые в рамках других дисциплин: дать нам духовные корни и культурное будущее, объединить лингвистику и богосознание.

После вековой прерванной традиции обязательного преподавания церковнославянского языка очевидно, что сформировалась и потребность возродить культурные коды, обусловленные христианским мировоззрением, и возможность сделать это посредством обучения.

Библиографический список

1. Миронова Т.Л. Церковнославянский язык. — Изд.3-е. — М.: Издательство Московской Патриархии, 2010. — 272 с.
2. Плетнева А.А., Кравецкий А.Г. Церковнославянский язык. Учебное издание для общеобразовательных учебных заведений, духовных училищ, гимназий, воскресных школ и самообразования. Изд. 4-е. — М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2006. — 272 с., ил.
3. Щенникова С.В. Интегративный подход в профессиональной подготовке будущего педагога (материалы спецкурса): учеб.пособие / С.В. Щенникова. — Арзамас, 2006.

MISSION OF THE CHURCH SLAVIC LANGUAGE IN THE FORMATION OF THE PERSONALITY OF A TEACHER-PHILOLOGIST

T.S. Sergeeva

Candidate of Philological Sciences (Nizhny Novgorod)

Abstract: The article is devoted to determining the role of the Church Slavonic language in the formation of the personality of a teacher-philologist. The purpose of the study is to search for effective forms of including the Church Slavonic language in the educational process. The exceptional significance and special role of the Church Slavonic language in Russian culture, including language, are stated. The study analyzed the capabilities of the vocational education system to overcome the cultural disunity of

modern society. It is concluded that the Church Slavonic language, due to its functions and specific origins, has potential within the framework of higher education disciplines as an idiom capable of shaping a worldview. The results of the study allow us to draw a conclusion about the necessity and effectiveness of including the Church Slavonic language in teaching practice in the training of philologists as a tool for the formation of spiritual and moral values.

Keywords: Church Slavonic language, higher education, national identity, worldview.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНСТРУМЕНТА ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ И ДУХОВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Е.Д. Мурад

кандидат педагогических наук, (Нижний Новгород)

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме — кризису современного русского языка как важнейшего фактора в формировании духовной и гражданской идентичности в России. Автор даёт определение гражданской и духовной идентичности, обращает внимание на кризис самоидентификации российского общества из-за воздействия различных деструктивных процессов. Автор акцентирует внимание на необходимости сохранения и развития самобытности, целостности и устойчивости российского общества в условиях глобализационных процессов. В статье обсуждается ряд проблем в современной русской речевой культуре, вызванных неоправданным использованием англицизмов, жаргонизмов и небрежным отношением к родному языку. В работе говорится о красоте и силе русского языка, о его влиянии на духовное и гражданское единство и сплоченность российского общества. Рассмотрены некоторые пути преодоления проблем в русской речевой культуре для сохранения гражданской и духовной идентичности русского народа как главного ресурса обеспечения безопасности страны.

Ключевые слова: русский язык, гражданская и духовная идентичность, русский народ, англицизмы, кризис русской речевой культуры, духовные ценности, безопасность страны.

Новый этап развития цивилизации, связанный с глобальными трансформациями, стремительным развитием «техномира» со всеми его противоречиями резко обострил проблему идентичности и самоидентификации в обществе. Возник так называемый «кризис идентичности». Он коснулся всех уровней человеческой жизни — от личной, духовной до социальной, гражданской.

Что мы подразумеваем под гражданской и духовной идентичностью?

Гражданская идентичность (также государственно-гражданская идентичность, национально-гражданская идентичность), в нашем понимании — это коллективное и индивидуальное чувство принадлежности к общности граждан конкретного государства (в нашем случае — России), позволяющее гражданской общности действовать в качестве коллективного субъекта.

Духовная идентичность — это форма коллективного и индивидуального самосознания, построенная на осознании принадлежности к определенной группе, роду, нации, стране с определенными ценностями, нормами и традициями. Гражданская идентичность тесно связана с духовной идентичностью народа, его культурным, историческим, духовным наследием. Гражданская и духовная самоидентификации народа неразрывны, они составляют целый комплекс духовных, материальных, интеллектуальных и эмоциональных качеств, которые характеризуют общество. Гражданская и духовная

идентичность являются основой сплоченности и целостности общества и государства, гарантом его силы, устойчивости ко всем сложным и враждебным историческим обстоятельствам.

В последнее время резко возросло количество научных работ и публикаций, в которых активно обсуждаются вопросы, связанные с разными видами идентичности и идентификационных процессов особенно на уровне отдельных государств и наций. Глобализационные процессы, космополитизм и идеология неолиберализма обернулись общемировой тенденцией к ослаблению и даже распаду государств. По мнению политологов, сегодня 150 государств «беременно» распадом, а в ближайшие десятилетия в мире может возникнуть до 800 новых государств.

Проблема определения гражданской идентичности личности стала предметом исследования российских ученых: А.Г. Асмолова, Т.В. Водолажской, А.М. Кондаковой, А.М. Юшина и других. По мнению ученых, сегодня во многих странах наблюдается кризис гражданской идентичности.

Российская государственная и духовная идентичность как залог политического и духовного единства российского общества тоже переживает кризис. Именно духовная идентичность российского общества в последнее время наиболее часто становится объектом воздействия различных вызовов, угроз и деструктивных процессов на общность российских людей. М.Г. Делягин полагает, что подрыв самоидентификации общества, осуществляемый в условиях глобализации — «неважно, внешней информационной агрессией или же внутренними процессами деградации — автоматически ставит общество на грань уничтожения вне зависимости от состояния экономики, наличия или отсутствия угрозы жизням его граждан.

Именно поэтому для развития и даже самого существования общества критическое значение имеет наличие национальной (на самом деле общественной) идеи. Она — цемент, наиболее эффективно объединяющий населяющих территорию данной страны людей в единое целое». [1, С. 207] Особую роль играют совершенствование и поддержание устойчивой системы ценностей, действенно мотивирующих общество к достижению успеха в глобальной конкуренции. В такой ситуации именно духовная идентичность становится главным ресурсом обеспечения безопасности страны, сохранения и развития самобытности российского общества в условиях стремительных перемен.

Трудно переоценить роль языка в формировании гражданской идентичности в настоящее время. Гражданская идентичность формируется благодаря чувству общего наследия, традиций и ценностей, истории и языка. Язык — важнейший фактор формирования общества, так как он способствует объединению людей. О важности влияния языка на формирование идентичности говорят ученые всего мира. Дж. Фишман, говоря о роли языка в формировании идентичности, подчеркивал, что язык выступает, как маркер гражданской идентичности, что язык — носитель и хранитель содержания культуры. В. Гумбольдт считал, что язык находится в тесной связи с формированием «духа народа». Под «духом народа» В. Гумбольдт понимал комплекс ценностей и совокупность культуры народа, его духовной своеобразия. Он считал, что язык отражает характер народа. По мнению Л.Н. Евсеевой, язык играет важную роль в определении идентичности, так как он влияет на духовное бытие той или иной общности и обеспечивает ощущение комплементарности (взаимодополнения) и отличия от других наций и этносов. Отсюда следует, что гражданскую идентичность нужно рассматривать в связи с языком.

Многие языковеды оценивают современное состояние литературного языка России как кризисное. Существует ряд проблем в современной речевой практике: снижение грамотности, падение речевой культуры, неконтролируемые приток заимствований, проникновение жаргона в повседневную речь и язык СМИ. В настоящее время можно уверенно говорить о возросшей агрессивности английского языка и его производного — американского сленга. Это наблюдается и на международном уровне, и у нас в России. Наша молодёжь говорит на «попсовом» сленге, широко используя слова английского языка. Это наблюдается не только в речи молодых людей, но и в деловой речи предпринимателей, политиков.

С 90-х годов прошлого столетия вместе с распадом СССР Россию наводняет поток американских и европейских фильмов и музыки. С тех пор активизировались деловые, торговые, культурные связи, расцвёл зарубежный туризм. Обычным делом стала длительная работа наших специалистов в учреждениях других стран. На территории России стали появляться совместные русско-иностранные предприятия. Именно с этого периода началось активное использование англицизмов. Их быстрое закрепление в русском языке объясняется стремительными переменами в общественной и научной жизни. Активное развитие Интернета, расширение межгосударственных отношений, развитие мирового рынка, экономики, информационных технологий, участие в международных мероприятиях: олимпиадах, фестивалях, показах мод — всё это привело к появлению в русском языке новых слов и понятий. С одной стороны, это объясняется тем, что возникла потребность в наименовании новых предметов, понятий и явлений, ранее не существовавших в нашем обиходе, таких как принтер, ноутбук, сканер, миксер, компьютер. Часто использование англицизмов оправдывается отсутствием соответствующего и более точного наименования в русском языке (спрей, спонсор). Кроме того, считается, что использование иноязычных слов повышает статус и социальный престиж говорящего. Причины употребления англицизмов при этом могут быть разные: облегчение разговора, ускорение переписки в социальных сетях, демонстрация своей принадлежности к какой-либо социальной или профессиональной группе. Мы допускаем, что без англицизмов нельзя обойтись в таких сферах, как компьютерные технологии, бытовая техника, спорт или музыка. Такие заимствованные слова сохраняются в употреблении, потому что в них есть коммуникативная необходимость.

Неоправданными же заимствованиями, мы считаем слова, которые используются в качестве понятий, уже имеющих в русском языке. Такими словами, на наш взгляд, являются: «менеджер» (вместо «управляющий»), «бэбиситтер» (вместо «няня»), «тинейджер» (вместо «подросток»), «презент» (вместо «подарок»), «пролонгирование» (вместо «продление») и многие другие.

Ненужные английские заимствования употребляют сейчас и на радио, и на телевидении, политики и люди искусства, представители разных профессий и сфер. Часто используют их для того, чтобы выглядеть солиднее, умнее в глазах окружающих, порой не задумываясь о целесообразности использования тех или иных слов. А ведь умение правильно употреблять заимствованные слова в речи свидетельствует об уважении говорящего к своему языку. Повсеместное использование латиницы при написании названий кафе и ресторанов, магазинов, заведений сферы услуг, мода на престижные иностранные слова в песнях, на одежде и аксессуарах приводит к засорению языка, к потере той самой духовной и гражданской самоидентификации, мешает пониманию, способствует разрыву поколений в обществе.

15 декабря 2022 года председатель комитета Госдумы по культуре Елена Ямпольская на пленарном заседании заявила, что намеревается бороться с разнообразными англицизмами. Она добавила, что считает недопустимым плебейское отношение к русскому языку и прочитала отрывок из поэмы Николая Гоголя «Мертвые души» на молодежном сленге: «Петрушка ходил в оверсайз коричневом секонд-хенд тренче и имел типикал фэйс. Характера он был больше сэд муд, чем разговорчивого; имел даже кульный виш за эдукейшн, то есть чтению книг, содержанием которых себя не пушил, ему было совершенно все равно, он мэтчился со всеми с равным вниманием; если бы ему запитчили химию, он бы и от нее не отказался». [2]

Это выступление Ямпольской явилось прекрасной иллюстрацией того языкового разрыва между поколениями в современной России, когда старшее поколение легко понимает тексты Гоголя, Пушкина, Ломоносова — людей, живших сотни лет назад — но часто совершенно не понимает своих собственных детей и внуков. Встает вопрос: кого мы вырастили? Каких граждан, патриотов России воспитали? Что ждет нашу страну в будущем, если наши потомки так обращаются со своим родным языком, а значит и со своей культурой, традициями и историей?

Еще в 1998 году Мид Маргарет отмечала, что «...во всех частях мира, где все народы объединены электронной коммуникативной сетью, у молодых людей возникла общность опыта, которого никогда не было и не будет у старших. И наоборот, старшее поколение никогда не увидит в жизни молодых людей повторения своего беспрецедентного опыта перемен, сменяющих друг друга. Этот разрыв между поколениями совершенно нов, он глобален и всеобщ» [3, С. 113].

Таким образом, для сохранения нации, целостности и устойчивости общества в России необходимо сохранение связей между поколениями на всех уровнях: социальном, духовном, гражданском. Недопустим языковой барьер между представителями единой русской культуры. Русский язык всегда был и должен оставаться основой духовной культуры российской нации, передаваемой из поколения в поколение. Невнимательное, небрежное отношение к нормам произношения, ударения, употребления слов, использование в речи жаргонизмов, вульгаризмов, неоправданных заимствований, загрязняющих речь, разрушающих литературный язык ведет в конечном итоге, по нашему мнению, к гибели нации.

Русский язык — один из самых сложных и богатых языков на планете. В русском языке высокое духовное наполнение, стойкость и надёжность. Для выражения стойкости языка важна такая характеристика языка как «богатство», дающее языку устойчивость. Оно выражается в языке через синонимы, фонетическую вариативность слов и гибкость связей между ними. Богатство увеличивает устойчивость языка к помехам. Богатство русского языка, высокая вариативность смысловой передачи через построение фраз обусловлены развитой системой падежей, существованием трёх родов и многим другим. Через русский язык можно намного точнее, чем через большинство других языков, передать характер своих чувств и эмоций. Можно намного свободнее строить фразы и предложения, когда с помощью падежей подлежащее можно поместить и в начале, и середине, и в конце предложения. Количеством падежей можно измерять свободу и палитру красок в русском языке. Это открывает и большие поэтические возможности.

На наш взгляд, существуют определенные пути преодоления проблем речевой культуры молодежи. Во-первых, необходимо разъяснять лицам, чье творчество

и публичные выступления попадают в центр общественного внимания, необходимость бережного отношения к родному языку. Во-вторых, необходимы контроль и цезура в средствах массовой информации, качественная редакторская работы над стилем публикуемых текстов. В-третьих, целесообразна организация консультативной службы русского языка, обеспечение библиотек (в том числе виртуальных) новыми словарями и учебниками по русскому языку и культуре речи; в-четвёртых, необходима пропаганда классической литературы и бережного отношения к русскому языку.

Считаем, что одна из прямых обязанностей министерства образования и науки — тщательно проверять внедряемые иностранные слова на фонетическое, морфологическое, нравственное и смысловое содержание и контролировать процесс заимствования иностранных слов и выражений. «Россия либо будет суверенной, либо ее вообще не будет» [4] — эти слова В.В. Путина, все отчетливее приобретают значение для формирования национальной стратегии и национальной идеологии, для сохранения гражданской и духовной идентичности русского народа. И именно русский язык в значительной мере определяет характер культуры, является фундаментом мысли нации, источником духовной защиты для всех граждан нашего великого Отечества.

Библиографический список

1. Деягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации // Электронный ресурс: <https://litlife.club/books/170876/read?page=207>
2. Родин И. В. В Госдуме зачитали Гоголя на «зумерском» языке. — 2022. // Электронный ресурс: https://news.rambler.ru/community/49879569/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink
3. Мид М. Культура и мир детства // Электронный ресурс: <https://www.rulit.me/books/kultura-i-mir-detstva-read-286593-113.html>
4. Путин В.В. Отрывок из интервью Владимира Путина Медиакорпорации Китая. 6 июня 2018 // Электронный ресурс: <https://www.youtube.com/watch?v=moOf4ykeD8Y&t=23s>
5. Абросимова К.А. Анализ сущности понятия «Гражданская идентичность» // Сборники конференций НИЦ Социосфера. — 2014. — №5. — С. 42-45.
6. Мишина И.А. Проблемы формирования Российской гражданской идентичности // Электронный ресурс: <https://ipk74.ru/upload/iblock/74e/74e871ba13d3853852fd54d40084161b.pdf>
7. Томарева И.Г. Особенности гражданской идентичности в современной России // Журнал «Современные наукоемкие технологии». — 2016. — №1. — С. 188-191.

PROBLEMS OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE AS A TOOL FOR THE FORMATION OF CIVIL AND SPIRITUAL IDENTITY IN RUSSIA AND WAYS TO SOLVE THEM

E.D. Murad

Candidate in Pedagogy (Nizhny Novgorod)

Abstract: The article is devoted to an urgent problem — the crisis of the modern Russian language as the most important factor in the formation of spiritual and civic identity in Russia. The author defines civil and spiritual identity, draws attention to the crisis of self-identification of Russian society due to the impact of various destructive

processes. The author focuses on the need to preserve and develop the identity, integrity and sustainability of Russian society in the context of globalization processes. The article discusses a number of problems in modern Russian speech culture caused by the unjustified use of Anglicisms, jargonisms and careless attitude to the native language. The work talks about the beauty and power of the Russian language, its influence on the spiritual and civic unity and cohesion of Russian society. The article discusses some ways to overcome problems in the Russian speech culture in order to preserve the civil and spiritual identity of the Russian people as the main resource for ensuring the security of the country.

Keywords: Russian language, civil and spiritual identity, Russian people, Anglicisms, crisis of Russian speech culture, spiritual values, security of the country.

ПРОБЛЕМЫ ЭТИЧЕСКОЙ НОРМЫ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Н.А. Самыличева

кандидат филологических наук, доцент (Нижний Новгород)

Аннотация: в статье представлены взаимоотношения языковой игры и этической нормы в медийном дискурсе. Языковая игра в СМИ довольно часто приводит к так называемой речевой агрессии. Речевая агрессия может выражаться в тексте различными средствами. К словообразовательным средствам проявления речевой агрессии относятся, в частности, новообразования, или окказиональные слова. Окказионализмы — результат языковой игры — рассматриваются как проявление речевой агрессии, коммуникативной неудачи и как причина нарушения этической нормы. Использование новообразований можно считать немотивированным, если они обладают экспрессией, не соответствующей стилистической тональности контекста и этическим нормам; если не учтена семантика производящего, текста или если не учтена благозвучность новообразований. Особенно неуместным признается использование в тексте новообразований, имеющих фонетическое сходство с инвективной, обсценной лексикой.

Ключевые слова: этическая норма, речевая агрессия, неуместность, коммуникативная неудача, новообразования

Языковая игра — одна из важных составляющих коммуникативной культуры современного человека. Согласно мнению ученых, языковая игра является социальным инструментом, «поскольку посредством ее возможно выражение и сознательное моделирование определенных эмоций...» [1, С. 383].

В науке наметилось два направления в исследовании феномена языковой игры. Первоначально языковая игра рассматривалась как преднамеренное нарушение нормы. Принято считать, что данное направление было заложено Л.В. Щербой. «Идея понимания языковой игры как осознанного нарушения стереотипа является продуктивной, ибо она позволяет рассматривать данный феномен с точки зрения отражения закономерностей системы и нормы в языковом сознании социума и конкретного индивида» [2, С. 6]. Но все-таки языковая игра — это не просто нарушение языковой нормы ради самого нарушения, это именно творческий процесс, творческий подход к слову. Необходимо отметить эстетическую целесообразность языковой игры.

Так, Т.А. Гридина, придерживаясь первого направления, справедливо отмечает, что «в основе языковой игры лежит стремление достичь определенного эффекта эстетического воздействия (чаще всего комического) путем нарушения нормативного канона восприятия языковых единиц, творческого (нестандартного) использования языковых средств» [2, С. 4]. При этом подчеркивается именно творческое использование языковых средств.

Второй подход выражается в том, что языковую игру связывают с отклонением от определенных правил, но в пределах нормы. Доминирование экспрессии в текстах масс-медиа привело к трансформации многих понятий, в частности языковая игра перестала восприниматься как нарушение нормы — это стало, скорее, «другой» нормой, игровой: «...языковая игра есть отклонение от определенных правил, но в пределах нормы» [1, С. 367]. Подобное «отклонение»

может свидетельствовать о своеобразной свободе использования единиц языковой системы. Раскрывая понятие языковой игры, Б.Ю. Норман характеризует данный феномен как «использование языка в особых — эстетических, социальных и т.п. — целях, при котором языковая система наилучшим образом демонстрирует свою “мягкость”: языковые единицы, их классы и правила их функционирования получают тут большую степень свободы по сравнению с иными речевыми ситуациями» [3, С. 6].

Любой более или менее продуктивный способ возникновения языковой игры можно считать нормой для данного явления. Но при таком определении возникает вопрос, что же считать нормой и как определить пределы этой нормы. Другая норма — это коммуникативная, или ситуативная норма, критерий которой — уместность в определенном контексте.

Итак, языковая игра — это прагматически и эстетически оправданное следование коммуникативной норме. Допустимость каких-либо отклонений свидетельствует о таком уровне развития языка, который предполагает сложный интеллектуальный процесс выбора наиболее адекватных средств выражения.

На наш взгляд, стоит остановиться на том понимании языковой игры, которое связывает ее с творческими интенциями, намерениями автора, с проявлением креативных способностей языковой личности.

В современных средствах массовой информации можно отметить не только усиление авторского начала, проявляющегося в языковой игре, но также гипертрофированное усиление функции воздействия: «Усилился оценочный характер узуса в СМИ, расширился спектр оцениваемых явлений и фактов. Прежние оценочные парадигмы изменяются под влиянием новых ориентиров общественно-политической жизни и сознания членов общества. Характерная примета времени — жесткость оценок. Повседневный характер приобрел иронический характер оценки» [4, С. 121].

Воздействие СМИ на читателя, его точку зрения является, пожалуй, фактом, который признает большинство ученых-лингвистов. «СМИ формируют языковые вкусы общества. Они быстрее всего реагируют на изменения в языке и отражают их» [5, С. 13]. Журналист не просто констатирует и передает события, происходящие в действительности, но и дает им свою оценку, выражает индивидуально-авторское отношение. Порой такое экспрессивное воздействие не только не уместно, но и агрессивно, когда читатель как бы вынужден воспринимать не просто описываемый факт, а именно авторское видение. «Перерабатывая информацию и предавая ее читателю, комментируя или аранжируя события, СМИ формируют моральные нормы, эстетические вкусы и оценки, выстраивают иерархию ценностей, а нередко даже навязывают читателю образцы рецепции истин — исторических, социально-политических, психологических и иных. Информировав о ценностях и оценивая, СМИ реально влияют на качество публичного дискурса, на организацию моделей общественной жизни, на формирование у общества его собственного образа» [6, С. 314]. Очень часто «высокая степень категоричности авторов публикаций в современной прессе создает впечатление о недопустимом уровне агрессивности речевой коммуникации в современном русском обществе...» [5, С. 18].

Речевая агрессия может выражаться в тексте различными средствами. К сожалению, нередко новообразования, окказионализмы связаны с проявлением речевой агрессии, что «заставляет задуматься о речевом поведении журналистов, у которых в пылу изобретательства нередко снимаются этические и эстетические табу» [7, С.44].

Агрессивное использование окказиональных единиц можно признать неуместным и рассматривать как коммуникативную неудачу. Чаще всего это касается тех лексем, в основе которых лежат грубо-просторечные и жаргонные единицы: «**Забывовали**. Как главный тренер нашей хоккейной сборной [Вячеслав Быков. — Авт.] привел ее к провалу» (Новое дело, 19-25.05.2011); «За эти годы **«быдлогерой»**, конечно, изменился <...> В последние годы сформировалась стра-та (стадо) анонимных **«быдлоборцов»** с «ненавистным режимом». Весь пыл борьбы — бесстрашный и неутомимый стук по «клаве». Они знают, как «обустроить Россию», и готовы, как в добрые старые времена бороться «за мир во всем мире», но не могут вернуть лампочку в собственном подъезде — не те масштабы борьбы» (Московский комсомолец, 05.05.2011); «**Фуфлосифт** для вашего смартфона» (<https://novayagazeta.ru/articles/2020/12/15/88386-fuflosoft-dlya-vashego-smartfona>; 15.12.2020); «И наша промышленность в массовом порядке перешла от **фуфломитинов** к **фуфловирам**» (<https://novayagazeta.ru/articles/2020/09/22/87203-ot-fuflomitsinov-k-fufloviram?fbclid=>; 22.09.2020).

Самая интенсивная негативная оценка окказионального слова усиливается за счет переключки с узуальными словами и выражениями обценного характера: «С приходом Хоя, русский рок превратился в рок хамов, рок второгодников, рок пьяни, рок неудачников... **«Хоёвина»** и прочая вульгарная серятина так долго находилась в виду и на слуху, так хорошо продавалась, что в середине нулевых превратилась в мэйнстрим» (Новая газета, 13.11.2009); «**Армагедд!** Человечеству опять конец? Мир ожидает «сбычи» калифорнийского пророчества» (Нижегородские новости, 18.05.2011); «**ТРЕНДе!** Нижегородские стилисты рассказывают о модных тенденциях этого сезона» (Проспект, 14.06.2011); «Полный мобилизеи. Всё ли у нас на самом деле готово к тому, что завтра — война?» (Наша Версия, 18.12.2017); «**Скапитализдили** на ремонт. В Фонде капремонта нашлись лишние 200 миллиардов рублей» (Наша Версия, 17.12.2018).

В данном исследовании нарушение этической нормы рассматривается как коммуникативная неудача, независимо от того, была ли нарушена языковая или коммуникативная норма.

Довольно часто в масс-медиа обсуждаются вопросы национальных и идеологических различий, и это выражается в агрессивных окказиональных новообразованиях: «**Карабахнуло!** Кто и зачем разогрел армяно-азербайджанский конфликт?» (Наша Версия, 11.04.2016); «**Туркнуть** курдов. Новый план Эрдогана в Сирии: остановить расползание Курдистана одним махом» (Наша Версия, 15.10.2017); «Чем российский **майдаун** отличается от майдауна украинского» (<https://newsland.com/post/6843129-chem-rossiiskii-maidaun-otlichaetsia-ot-maidauna-ukrainskogo>; 14.08.2019).

Нарушением этической нормы, безусловно, следует признать также ироническое, ерническое обращение к вопросам веры: «Реакция на видео с **православнутыми**» (Новая газета, 20.08.2012); «Андрей Кураев **БЛОГОсловит** собравшихся» (Собеседник, 02.02.2016); «Если есть **божечки-кошечки**, то должны быть **собачки-сатанячки**» (https://vk.com/wall-31920990_2717028?api_access_key=08a3f55253f3a8d0e8; 11.05.2022).

Особенно непростительным следует считать создание новообразований в том случае, если статья посвящена трагедии, повлекшей за собой человеческую гибель: «В «**лобовуху**». Один человек погиб, еще несколько получили тяжелейшие ранения в результате лобового столкновения «ГАЗели» и легковой автомашины» (Московский комсомолец, 15-22.06.2011); «**Убоинг**. Дубайским лайнером управлял усталый пилот» (Наша Версия, 28.03.2016); «Новый товарный знак „Пулково“ просто гениален: мало того, что это „Расквас“ наших чемоданов. Так это еще

и отрубленные руки, которые увозят из **Расчленинграда**» (<https://www.rosbalt.ru/piter/2021/03/04/1890613.html>; 04.03.2021).

Таким образом, можно понять, что чрезмерное стремление к языковой игре, экспрессивизации текста не всегда уместно и не всегда положительно отражается на впечатлении адресата о статье. «Эскалация речевой агрессии в СМИ деморализует читателей, высвобождая в них ответную агрессию...» [8, С. 23]. Журналист должен заботиться не только об экспрессивности, привлекательности речи, но и том, чтобы соблюдались моральные, этические, нравственные нормы.

Библиографический список

1. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. — М.: Гнозис, 2008. — 341 с.
2. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996. — 214 с.
3. Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. — М.: Флинта: Наука, 2006. — 344 с.
4. Ржанова С.А. Стилистическая тональность контекста (на примере языка современных СМИ) // Активные процессы в современном русском языке: Сборник научных трудов, посвященный 80-летию со дня рождения профессора В.Н. Немченко. — Н. Новгород: Издатель Ю.А. Николаев, 2008. — С. 188-192.
5. Кормилицына М.А. Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А. Комилицыной, О.Б. Сиротининой. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. — Вып. 8. — С. 13-33.
6. Коряковцева Е.И. Языковой образ российской провинции в столичной прессе // Жизнь провинции как феномен духовности. — Н. Новгород, 2005. — С. 314-323.
7. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. СПб: Златоуст, 1999. — 320 с.
8. Коряковцева Е.И. Очерки о языке современных славянских СМИ. — Седльце: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2016. — 152 с.

PROBLEMS OF ETHICAL STANDARDS IN THE LANGUAGE OF MODERN MEDIA

N.A. Samylicheva

Candidate of Philological Sciences (Nizhny Novgorod)

Abstract: The article presents the relationship between the language game and ethical norms in media discourse. Language play in the media quite often leads to so-called verbal aggression. Verbal aggression can be expressed in text by various means. Word-forming means of manifestation of speech aggression include new formations, or occasional words. Occasionalisms — the result of a language game — are considered as a manifestation of speech aggression, communicative failure and as a reason for violating ethical norms. The use of new formations can be considered unmotivated if they have an expression that does not correspond to the stylistic tone of the context and ethical standards; if the semantics of the producing text is not taken into account or if the euphony of the new formation is not taken into account. The use in the text of new formations that have a phonetic similarity to invective, obscene vocabulary is considered especially inappropriate.

Keywords: ethical norm, speech aggression, inappropriateness, communicative failure, neologisms.

О ДУХОВНОСТИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

А.Г. Садовников

кандидат филологических наук, доцент (Нижний Новгород)

Аннотация. При изучении лирики как рода словесного искусства наиболее дискуссионными неизменно остаются вопросы, связанные с эволюцией душевно-духовного содержания лирики и спецификой лирического субъективизма. В новое время лирика была осознана как литературный род, характеризующийся содержательно-структурным принципом «субъективности». Литературоведение XX века, прежде всего в исследованиях М.М. Бахтина, было ознаменовано осознанием лирики как рода литературы, отличающегося уникальным типом субъектной архитектоники «внутреннего человека». При исследовании проблемы лирического субъективизма и роли В.А. Жуковского в одухотворении русской лирики были использованы: проблемно-логический подход, комплексный и системный методы, метод теоретической реконструкции, функциональный подход. В ходе исследования автор пришёл к заключению, что для русской лирики фундаментально значимым был переход от дохристианского (языческого) к христианскому мировосприятию. Это послужило стимулом к началу не только нравственной и аксиологической трансформации лирического сознания, но и к изменению содержания понятий душевности и духовности.

Ключевые слова: лирика, Россия, душевность, духовность, античность, христианство, православие, романтизм, В.А. Жуковский.

Литературоведение XX века, прежде всего в исследованиях М.М. Бахтина, было ознаменовано осознанием лирики как рода литературы, отличающегося уникальным типом субъектной архитектоники [1] — такого рода отношением субъектов эстетического события, при котором между ними отсутствует внешняя граница, но автор должен «утончиться до чисто-внутренней венаходимости герою». При этом «лирическая объективация внутреннего человека может стать самообъективацией» [2]. Под «внутренним человеком», способным самообъективироваться в лирическом тексте, как у Бахтина, так и у его предшественников, очевидно, подразумевается душевно-духовная ипостась человеческого «я». Говоря о «внутреннем человеке» в лирике, мы закономерно соприкасаемся с весьма значимой лириковедческой проблемой — проблемой содержания душевно-духовного «я», воплощавшегося в лирическом пространстве основных эпох человеческой истории. Эпохальным «водоразделом» в истории человечества стало пришествие в мир Христа и распространение библейского учения. Это послужило стимулом к началу не только нравственной и аксиологической трансформации социума, но и к изменению содержания понятий душевности и духовности.

По учению святого апостола Павла духовная жизнь в контексте жизненных ипостасей, коими был наделён человек (жизнь телесная, телесно-душевная, душевная, душевно-духовная, духовная), есть высшая форма человеческого бытия, предполагающая напряжённое, но благодатное душевно-духовное движение от богообразности к богоподобию. Конечно, библейские тексты не отрицают понятия «душевности», но и характеристика «душевный человек» звучит

в них отнюдь не комплементарно, что свидетельствует о безусловном превосходстве духовности над душевностью (в частности: 1 Кор. 2:14; Иуд. 1:17-19; Ин. 12:24-25; Гал. 5:16-18; Гал. 5:19-23; Гал. 5:25; Иак. 3:14-16).

Человек и его творения в дохристианском мире были обречены на запечатлённость в пределах телесности и душевности. Именно это определяло характер объективации «внутреннего человека» в лирике. Быть может, наиболее глубоко качественные изменения в сферах лирического субъективизма осознал и воплотил в своём художественном мире родоначальник русского романтизма В.А. Жуковский. В художественном мире Жуковского неизменно доминировали христианские представления о духовности (духовном идеале), а «христианская меланхолия» представлялась душевно-духовным состоянием, определяющим как мироотношение в целом, так и генерализующую лирическую эмоцию, объективирующуюся в лирике.

Вопрос о значимости духовной жизни человека и человечества, поставленный Жуковским в самых ранних произведениях, в религиозно-философском аспекте наиболее напряжённо разрешался поэтом в 40-х годах XIX века. Стимулом этому послужила работа над переводом «Одиссеи» (1842). Жуковский признавался, что в эпосе Гомера он увидел «картину древних нравов, живую и очаровательную, ... жизнь давно минувшего во всей её детской беззаботности и неподдельном простодушии» [3]. Принципиально важным для него было осмысление духовных основ жизни античной древности и определение особенностей эстетической ориентации поэтов античности (в первую очередь — Гомера и Горация). В 1846 году вышла в свет статья В.А. Жуковского «О меланхолии в жизни и в поэзии». В данной статье поэт резюмирует свои представления о меланхолии и о духовных и эстетических последствиях меланхолизации творческого сознания на разных этапах человеческой истории, слагающейся, по мнению автора, из двух эпох — дохристианской и христианской.

В «древнем», дохристианском мире (классическом мире греков и римлян), с точки зрения поэта, меланхолия являлась неотъемлемой составляющей душевной жизни и была мотивирована характером мировосприятия и религиозности древних. Сама жизнь древних представляется Жуковскому как «светлая, украшенная жертва, ведомая с музыкою, пением и пляскою на заклатие» [4]. Из этого образного определения вытекает мысль о двух основных составляющих жизни «языческой» древности, явившихся источником меланхолии в её дохристианском варианте: во-первых, антропоцентрический характер греческой и римской идеологии придавал жизни праздничный ореол, но, во-вторых, убеждение древних во всемогущести фатума создавало ощущение тщетности и обречённости всего сущего. Жуковский утверждает, что «древние брали жизнь целиком, спешили вполне ею воспользоваться; наслаждение было их единственную целью <...>. И они умели употреблять ее по-своему; и это искусство употребления жизни особенно выражается в поэзии и в скульптуре; какая верность, свежесть, полнота форм, какое пластическое совершенство!» [4, С. 409]. Устремлённость к тому, чтобы «брать жизнь целиком», естественно подразумевала зависимость от жизни, запечатлённость в пределах плотского мира и болезненное ощущение незаменимости и невозполнимости земных благ: «Все сокровища были на земле; все заключалось в земных радостях, и все с ними исчезало» [4, С. 408]. Этим определяется как характер религиозности древних — «их религия принадлежала тесным пределам этой материальной жизни; она не входила во внутренность души, напротив, извлекала ее из самой себя, наполняя внешний мир, ее окружающий, своими поэтическими созданиями, повторявшими в другом только размере все события ежедневной материальной жизни» [4. С.

408], так и особого рода «эпикурейство», когда «у каждого на пиру жизни висел над головою, на тонком волоске, меч Дамоклесов; но потому именно, что он у каждого висел над головою, все общею толпою шумели весело на пиру и спешили насытиться по горло. Каждый сам про себя, ясно или неясно, чувствовал, что когда соберут со стола, уж другого ему не накроют <...>» [4, С. 408]. Таким образом, Жуковский приходит к выводу о том, что в «запечатлённой» жизни древних существовала необходимость «дополнения», которое «упрочивает и благородствует» жизнь, приобщая её к вечному.

В этом отношении решительный переворот, по мнению автора, совершился с обретением Евангелия и по мере распространения христианской культуры. Явление христианства в древнем мире автор отождествляет с «откровением», «сверхъестественность» которого состоит в его уникальной духовной сущности. Благодаря ему был преодолен антропоморфный и социоморфный характер представлений о божественном. «Откровение разоблачило перед человеком его высокую природу и возвеличило человеческую душу, указав ей ее падение и вместе с ним ее права на утраченную божественность, возвращенные ей искуплением» [4, С. 409]. «Из внешнего мира материальной жизни, где все прельщает и гибнет, оно обратило нас во внутренний мир души нашей; легкомысленное, ребяческое наслаждение внешним уступило место созерцанию внутреннему <...>, открыло нам глубину нашей души, увлекло нас в духовное созерцание, соединило с миром внешним мир таинственный, усилило в нас все душевное <...>» [4, С. 409-411]. Кроме того, по мнению Жуковского, это изменило характер представлений о скорби (печали) и меланхолии и привело к переосмыслению их значимости в душевной жизни человека и духовной жизни человечества.

Скорбь в дохристианской концепции мира была «неотъемлемым свойством» души, бессмертной по своей природе и божественной по своему происхождению, но падшей и носящей в себе подавляющее душу чувство сего падения. Она либо подавляла человеческую душу, приводя личность к обособлению в границах чёрной меланхолии, либо стимулировала душевную работу, направленную на преодоление скорби, итогом которой неизбежно становилось возвращение к сиюминутным эпикурейским ценностям.

С приходом христианства «тёмная врождённая» скорбь («печаль относительно внешнего» [4, С. 410], которую Жуковский и называет меланхолией, не перемая природы своей, обращается в высокую деятельность, благородствующую душу, способную исцелить «недуг падения» и приводящую её к гармонии с миром. Первый этап этой деятельности состоит в осознании того, что в «христианском мире, по-настоящему, нет утрат!», и «гибнет только то, что не наше, а всё, что составляет верное достояние и сокровище нашей души, упрочно на всю вечность» [4, С. 409-410].

Развивая мысль Жуковского, можно сказать, что христианство причастило мир «духовному искусству», чему способствовало постепенное изменение представлений о духовном содержании родов словесного творчества. Дерзнём предположить, что к этому побуждает исходный акт божественного творения, запечатлённый в Книге Бытия, когда предвечный Логос воплощается в двух божественных глаголах: «сотворил» («В начале сотворил Бог небо и землю», Быт. 1:1) и «носился» («Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою», Быт. 1:2), где глагол «сотворил» знаменует эпический акт творения бытия и начало его истории, а глагол «носился» (נָסַח) — высживание, согревание, животворение, парение птицы над гнездом) — деяние, преисполненное чувства любви, тревоги, заботы, ассоциирующееся с лирическим духовным движением. Закономерным следствием христианизации поэзии

явилась переориентация творческого внимания в направлении проблем душевно-духовной жизни. Прежде всего, с точки зрения Жуковского, это нашло воплощение в искусстве романтизма, для которого христианская меланхолия стала одной из «самых звучных струн» [4, С. 410].

Если древние поэты запечатлевали окружающие материальные образы и только поверхностно изображали страсти, то поэты романтические, менее заботясь о верности предметных деталей, красоте пластической, углубляются «в выражение таинственного, внутреннего, преследуют душу во всех ее движениях и высказывают подробно все тайны» [4, С. 411].

Можно заключить, что осознание духовной значимости православного христианства, воплотившееся в творческом наследии В.А. Жуковского, легло в основание русской «духовной» поэзии XIX–XX вв. от А. Пушкина и поэтов «пушкинского круга» до А. Блока, Б. Пастернака, В. Набокова, Б. Окуджавы et cetera.

Библиографический список

1. Тмарченко Н.Д. (ред.) Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. — М.: Intrada, 2008. — С. 110
2. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. — М.: Русские словари, 2003. — С. 229-230.
3. В мире Жуковского. Творчество Жуковского как художественная система. — М.: Наука, 2006. — С. 285.
4. Жуковский В. А. Избранное. Сост., вступ. ст., прим. И.М. Семенко. — М.: Правда, 1986. — С. 404.

ON THE SPIRITUALITY OF RUSSIAN POETRY

A.G. Sadovnikov

Ph.D., associate professor (Nizhny Novgorod)

Abstract. Studying lyric poetry, the most controversial questions are invariably related to the evolution of the emotional-spiritual content of lyrics and the specificity of lyrical subjectivism. In modern times, lyric poetry has been recognized as a literary genre characterized by the substantive-structural principle of «subjectivity.» 20th-century literary criticism, particularly in the works of M.M. Bakhtin, marked an understanding of lyric poetry as a literary genre distinguished by a unique type of subjective architecture of the «inner man.» In studying the problem of lyrical subjectivism and the role of V.A. Zhukovsky in the spiritualization of Russian lyric poetry, we used the problem-logical approach, comprehensive and systemic methods, the method of theoretical reconstruction, and the functional approach. Through our research, we have come to the conclusion that the fundamental significance for Russian lyric poetry was the transition from pre-Christian (pagan) to Christian world perception. This was a stimulus not only for the moral and axiological transformation of lyrical consciousness but also for a change in the understanding of the concepts of soulfulness and spirituality.

Keywords: lyric poetry, Russia, soulfulness, spirituality, antiquity, Christianity, Orthodoxy, Romanticism, V.A. Zhukovsky.

РУССКОЕ ВЕЛИКОДУШИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ НОБЕЛЕВСКОГО ЛАУРЕАТА ГРАЦИИ ДЕЛЕДДЫ

М. Валери

кандидат филологических наук, старший преподаватель, (Италия)

Аннотация: Грация Деледда — великая итальянская, точнее сардинская писательница первой половины XX века, лауреат нобелевской премии по литературе 1926 года. Сразу после публикации ее ранних произведений критика обнаружила в стиле и темах ее прозы очевидные сходства с великими русскими писателями того времени и предыдущего века. Деледда пыталась защитить оригинальность и своеобразие собственной литературы, но в личных письмах признается, что великодушие русского народа ей близко как родное. Недавно вышедшая книга итальянской ученой исследует отношения Деледды с Россией и между сардинскими и древними славянскими ритуалами и традициями, которые стали крепче в жизни писательницы после знакомства и начала переписки с М. Горьким, недавно переехавшим в Италию.

Ключевые слова: Деледда, Горький, русское великодушие, итальянская литература, Сардиния.

В 1901 году Грация Деледда пишет введение к первому сборнику рассказов М. Горького на итальянском языке. Выбор великой итальянской писательницы — не случайный по многим причинам. Во-первых, писатели взаимно уважали и любили друг друга: Деледда считает его мастером истины и любви, редчайшим светом, который освещает серый горизонт “нашей грустной современной души” [1]; со своей стороны, Горький ценит реализм Деледды, публично хвалит ее и публикует ее рассказы на страницах «Всемирной литературы». Но как для Горького, так и для Деледды глубокое взаимопонимание и любовь между итальянской и русской душами имеют более крепкие корни, отражающиеся в их произведениях, где легко обнаруживать “удивительные сходства” [2].

В глазах современной критики произведения Деледды пропитаны духом произведений русских писателей того времени, поэтому иногда сама итальянка весьма неодобрительно реагировала на такие ассоциации, которые она воспринимала как сомнения в оригинальности ее работ. «Я прочитала русские романы всего лишь после появления назойливого сопоставления с моими работами со стороны критиков» [3]. Тем не менее, сама она часто признавалась, что ее русские современники потрясающе описывают меняющийся мир, то, как такие изменения влияют на душу людей, на их судьбу и на их отношения с богом. Внутренний мир персонажей настолько досконально изучен, что исчезают все общественные, национальные, культурные рамки и остается только самая искренняя суть. «Искренность народа, примитивные страсти цветут и зажигаются как в степи, так и в Барбадже» [4]. Однако, на наш взгляд, кажется приемлемой еще и теория, согласно которой влияние русских мастеров на творчество Деледды могло происходить на подсознательном уровне.

В связи с этим, очень интересной является недавно опубликованная работа А. Каттани «Грация Деледда и Россия» [5], где автор провела поучительное

исследование с удивительными результатами. Автор отталкивается от письма сардинской писательницы другу Антонио Скано от 13 сентября 1898 года, где Деледда сообщает о договоре с миланским издателем на публикацию сборника новелл, посвященных Толстому.

«Договорилась с Кольяти в Милане на сборник новелл, которые я посвящу Льву Толстому. Там будет предисловие на французском, написанное одним великим русским писателем, проводящим сопоставление между сардинскими и русскими обычаями, которые как ни странно очень похожи друг на друга» [1].

Каттани объясняет, что Россия и Сардиния в древности прошли одинаковый путь: от матриархальной общины, где люди поклонялись Земле-Матери (это Мать Сырая Земля для сардинцев и Родина-мать для русских), а затем между 3500 и 2500 годами до н.э. превратились в патриархальные общества. Вслед за этим, в обеих культурах наблюдаются одинаковые предрассудки, суеверия, легенды и ритуалы, для понимания которых необходимо учитывать феномен двоеверия, который — как в древней Руси, так и на Сардинии — объединяет и смешивает христианство и язычество. Таким образом, церковная музыка, дьявольские существа и ритуалы до сих пор сохраняют в обеих культурах некие сходства [5, С. 9-11].

Итак, общие обычаи, натуральное взаимопонимание и одинаковая любовь к «родным аулам» позволяли Деледде увидеть на страницах русских мастеров те же страсти и страдания, что и у персонажей своих книг. Таким образом, в произведениях писательницы еще ярче проявляются следы Толстого, Достоевского, Гоголя и Горького. Как подчеркивает Каттани в своем эссе, например, Деледда подобно Достоевскому убеждена в том, что человечеству дана свобода воли, соответственно люди могут совершить ошибки и грешить, однако раскаяние и душевная сила их спасают и могут привести к перерождению. Персонажи Деледды пытаются сопротивляться законам, правилам общественной жизни, Богу, чтобы таким образом осуществлять свое желание быть свободными от ограничений душающего общества, поскольку они живут в переменчивом историческом периоде, когда все жестче ощущается столкновение прошлого и настоящего. Одна из главных тем ее произведений — непокорность, нарушающая общественные законы, которая заставляет героя принимать роковые решения. Если сходство с героями Достоевского еще недостаточно ярко, Додеро Коста напоминает читателям о новелле Деледды «По рефлексу» от 1920 года, где главный герой после прочтения «Преступления и наказания» чувствует близость не только к Раскольникову, но к самому Достоевскому, который, считает, не мог бы так точно передать такие душевные страдания не испытав их лично. Герои Достоевского чувствуют, как и автор, потребность к возобновлению, желание укрепить свою индивидуальность вопреки недвижимому статус кво на фоне общественных реформ Александра II, в то время как на Сардинии герои Деледды наблюдают постепенное исчезновение крестьянского мира в пользу еще незрелой буржуазии. Но, если у Достоевского они осмеливаются дойти до конца, до самого дна своих грешных поступков, у героев Деледды нет ни сил, ни храбрости открыто оспорить традиции, поэтому они не смогут найти свое спасение в наказании, поскольку не сами выбирают его путем к искуплению — оно просто навязывается им за их наглое поведение [5, С. 30].

К Толстому сардинская писательница испытывает некий благоговейный страх, и это доказано решением итальянки отказаться от идеи писать роман про спасение Сардинии с помощью развития сельского хозяйства после прочтения «Анны Карениной» — официально, чтобы избежать обвинения в плагиате. Как Деледда пишет в письме другу Де Губернатис, ее и Толстого объединяет идея, что работа,

мораль и религия могут возродить человека, и неважно, где это произойдет — в святой ли Руси или на дикой Сардинии. Природа показывает человеку верный путь к счастью, и та самая свобода воли, которая сопровождала хождение по мукам героев Достоевского, у Толстого и в романе Деледды «Камыши на ветру» является причиной страдания от неосуществимости мечты героя. Только совершенство может дать человеку настоящее земное счастье, а совершенства можно достичь, делая добро другим. Поэтому человек должен выбирать не то, что хочет, а то, что нужно, те “потребности разума” [5, С. 75], которые по факту являются традициями, ограничивающими героев Деледды. Еще, подчеркивается в эссе, оба писателя рассказывают свои истории с точки зрения простых людей, это уводит внимание читателя от происходящих в произведениях событий и принуждает его сосредоточиться на внутреннем мире и переживаниях героев.

Внимание к деталям, очеловечение природы и увлеченные героини в творчестве Деледды напоминают также произведения великих русских писателей И. С. Тургенева и Н. В. Гоголя, но наиболее близок ей по духу был Максим Горький. Алексей Максимович являлся, на ее взгляд, культурным мостом между Сардинией и Россией, и такая душевная близость скоро превратилась в эпистолярные отношения, где писатели обсуждали не только творческие темы, но еще выражали глубокое уважение по отношению друг к другу. Сардинская писательница до такой степени ценила русского коллегу, что 1 февраля 1905 года оказалась среди литераторов и журналистов, подписавших обращение к российскому правительству с требованием освободить писателя, жизнь которого тогда находилась под угрозой [6, С. 349]. Итальянские политики и интеллектуальное общество того времени очень активно интересовались судьбой Горького и следили за его преследованием на родине. Сам писатель в апреле того же года написал публичное благодарственное письмо, адресованное итальянскому пролетариату и опубликованное в газете «Аванти» (05.04.1905) [6, С. 357].

Несмотря на то, что на очередной намек о якобы подозрительном сходстве ее произведения с творчеством Горького Деледда ответила: «Горький стал знаменитым намного позже меня» [3]. Она была влюблена в его работы. Как подчеркивает в своем эссе М. Ариас-Вихиль [7], в нем она увидела продолжателя великих традиций русской литературы, а в его героях, как она писала в предисловии к сборнику горьковских рассказов на итальянском языке “Драма в порту” — «недостижимую добродетель альтруизма». По ее мнению, герои Горького, хотя и не положительные, воплощают страсть, свободу и явную щедрость их душ. Деледда даже отказывается считать Горького реалистом, поскольку “его герои списаны с натуры и похожи на нас всех внешне, но отличаются от обычных людей непостижимым великодушием” [7]. Итальянке совсем непонятно, как Горький сумел описать воров, бродяг и преступников так привлекательно для читателя, и этой черте творчества русского коллеги она посвятит свое признание в любви к 60-летию писателя, подчеркивая его гуманность, творческую мощь и тонкий анализ тех проблем, закаляющих характер современного человека, где всегда есть место сочувствию к отверженным. Однако моментом максимальной близости взглядов Деледды и Горького можно считать обсуждение реакций разных поколений на меняющийся мир. В частности, оба писателя — авторы романов под названием «Мать» — о женщинах, по возрасту и принципам жизни представляющих старый мир, которые сталкиваются с шокирующими решениями сыновей, чьи жизни связаны с новыми веяниями времени. Героини двух романов изначально реагируют одинаково: им невозможно понять ни причин, ни целей такого решения сыновей, они видят в нем только опасность и желание сопротивляться обществу, обычаям, прошлому; и, поскольку

у женщин не получается относиться к этому с пониманием и поддержкой, они поддаются духу самопожертвования. Тем не менее, со временем «мать» Горького находит в себе силу перестроиться и пойти «на баррикады» в поддержке борьбы сына; характер же «матери» Деледды останется неподвижным, зажатым рамками консервативного общества, где она выросла и которое до сих пор считает безопасным и правильным [6, С. 82].

Итак, в очередной раз персонаж романа Деледды не смог дойти до конца, не смог открыто оспорить обычаи и традиции сардинского общества. Ее героям не хватает смелости, общественной зрелости и душевной глубины, чтобы поступить подобно вдохновляющим их русским аналогам. Сардинское происхождение и чувство принадлежности к своему родному региону позволяет Деледде узнать себя и своих героев в работах русских мастеров, чья культура глубоко уходит корнями в русскую землю, удивительно похожую на сардинскую — тем не менее, этого еще недостаточно, чтобы достичь вершин непостижимого русского великодушия. Итальянской писательнице только и остается им восхищаться.

Библиографический список

1. Переписка А.М. Горького с зарубежными литераторами / Архив А.М. Горького, т. 8, цит. в А. Cattani [5, 80].
2. G. Deledda, *Versi e prose giovanili*, цит. в А. Cattani [5, 8].
3. G. Deledda, *Lettere a Pirro Bessi*, цит. в А. Cattani [5, 13].
4. G.A. Mura, *Grazia Deledda in Sardegna. "Arte russa" e ispirazione isolana* цит. в А. Cattani [5, 13].
5. А. Cattani, *Grazia Deledda e la Russia: Riflessioni letterarie e linguistiche sulla traduzione rusa di Elias Portolou*, Milano, FrancoAngeli, 2023, с. 185 [электронная книга].
6. D. Di Leo, *Maksim Gor'kij e la Stampa italiana. "Avanti!"*, giornale socialista: 1° gennaio 1900 — 31 dicembre 1909.
7. М.А. Ариас-Вихиль, «Недостижимая добродетель альтруизма»: Грация Деледда о ранних рассказах Максима Горького (1901), *Новые российские гуманитарные исследования // Электронный ресурс* http://www.nrgumis.ru/articles/134/363/?sphrase_id=810

RUSSIAN BENEVOLENCE IN THE WORKS OF NOBEL PRIZE WINNER GRAZIA DELEDDA

M. Valeri

Candidate of Sciences in Philology (Italy)

Abstract: Grazia Deledda is an Italian, or better Sardinian writer of the first half of 20th century, winner of Nobel Prize in Literature in 1926. Soon after the release of her earlier works, critics underlined in her prose clear similarities to contemporary and 19th century Russian literature. Deledda openly refuses this kind of interpretation for defending the originality of her works, nevertheless she admits in private letters, that she feels the deep benevolence of Russian soul like something she belongs to. In a recently released book an Italian slavist inquires the connections between Russian and Sardinian rituals and traditions, which appear to be clearer to Deledda herself after meeting and the beginning of an intense correspondence with Maksim Gorky, who at that time just moved to Italy.

Keywords: Deledda, Gorky, Russian benevolence, Italian literature, Sardinia.

Для заметок

Русский язык как основа духовной и гражданской идентичности.
Сборник научных статей. 2024 год.



Отпечатано в типографии ООО «Юнион Принт»,
603022, Нижний Новгород, Окский съезд, 2.
Тираж 500 экз.

